

Золотой Падисман

Потерянная

Гай Юлий Орловский
Марко Генер

Золотой Талисман

Гай Орловский

Потерянная

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орловский Г. Ю.

Потерянная / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2017 — (Золотой Талисман)

ISBN 978-5-699-94353-1

Люди не смогли ответить на вопрос, кто такая Каонэль. Солнечные эльфы пришли в замешательство, пытаясь понять, откуда взялась своенравная красавица с пепельной кожей, какая сила таится в желтых глазах. Друзья стремятся разгадать загадку серой эльфийки. Но больше всех это хочет выяснить она сама. Чтобы вернуть память, эльфийка пускается в опасный путь на поиски Золотого Талисмана...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94353-1

© Орловский Г. Ю., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Гай Юлий Орловский, Марго Генер

Потерянная

Глава 1

Ощущение боли пришло неожиданно и оказалось таким сильным, что я дернулась. Кости ломит, кожу печет. Попробовала разлепить веки, но свет ослепил. Пришлось зажмуриться и ждать, пока не перестанут плавать пятна. Когда открыла глаза, долго щурилась и моргала.

Надо мной бледное, почти белое небо с рядами облаков, за ними сияет желтое пятно. Порезы саднит, словно туда соли натолкали, попробовала шевельнуть ушами, но те не сдвинулись.

Над головой раздалось протяжное:

– Ка-аррр!

В небе нарезает круги огромный ворон. Белые глаза сверкают, как слюда, крылья переливаются синевой, птица наблюдает за мной с высоты.

Когда горячий ветер принес облачко пыли, лоб зачесался. С превеликим трудом мне удалось поднять руку и поскрести пальцами, но через секунду силы кончились, и я уронила ладонь в песок.

– Летай, – прохрипела я. – Пользуйся превосходством.

Ворон сделал еще несколько кругов и улетел.

Глянув вниз, я скривилась – короткая юбочка едва прикрывает бедра, грудь стянута куском ткани. Ноги босые, серая кожа потрескалась от солнца.

Вокруг песчаные дюны, ветер гонит тучи желтой пыли. От самых пяток тянется зигзагообразный след и теряется где-то в бархане.

Я шумно сглотнула, в груди шевельнулась тревога. Но когда пригляделась, заметила по краям ямки от трехпалых лап и облегченно выдохнула – не змея. Ящерица.

Вокруг пусто, но на всякий случай развернулась в сторону бархана и сделала самое суровое лицо, на какое способна в таком состоянии.

– Не видать вам сегодня свежего мяса! – крикнула я хрипло.

Горло обожгло, я закашлялась. Попытка подняться обернулась головокружением, еле удержалась, чтобы не упасть. Пришлось лечь на спину и сделать несколько глубоких вдохов.

Я прислушалась к состоянию, надеясь на улучшение. Но в порезы попал песок, раны горят, я сжимаю губы и молчу – что-то внутри заставляет терпеть.

С трудом перевернувшись на живот, я несколько мгновений неподвижно лежала на песке. Горячие крупинки впились в щеку, словно пытаются проникнуть под кожу.

Когда все же заставила себя подняться, резко повело в сторону, пришлось растопырить руки и ждать, пока мир перестанет качаться.

Всего в нескольких шагах зеленеет роща, от деревьев тянет прохладой. Тяжело переставляя ноги, я добралась до травы и пробормотала:

– Подожди, смерть... Не сегодня.

Под ногой шевельнулось, я устало посмотрела вниз. Между пальцев выполз жук с перламутровой спинкой и с недовольным гудением улетел.

Длинные кончики ушей все еще безжизненно висят. Влаги в них не больше, чем в остальном теле, но слабеют первыми потому, что кожа тонкая и мяса внутри почти нет.

Я пролепетала:

– Пить. Нужно срочно попить.

Доковыляв до ближайшей тени, я села под дерево и раскинула ноги.

Ветка противно царапнула плечо, выступила густая сукровица и тут же схватилась корочкой. Я безразлично посмотрела на рану.

Голова снова закружилась, пришлось вцепиться пальцами в траву, чтоб удержаться сидя. Из нее потек зеленоватый сок с сильным мятным запахом. Когда попал на ссадины, порезы сильно запекло. Я измотанно опустила взгляд, наблюдая, как пузырится сукровица.

Наконец жжение прекратилось. Осмотрев ладонь, с изумлением обнаружила здоровую серую кожу без единой царапины.

– Ну и дела, – прошептала я и уставилась на руку. – Чудо-травы, природная магия.

Наверху хрустнуло. Я подняла голову, но успела заметить лишь черный силуэт и ветку, усыпанную крупными плодами. Она еще раз хрустнула и полетела вниз.

Надо было сгруппироваться, подвинуться, но я лишь подтянула колени. Ветка пронеслась рядом, задев уголок уха.

– Проклятая деревяшка. Нашла, куда падать... – произнесла я пересохшими губами.

Коряга замерла у самого колена. Я с изумлением уставилась на нее, втайне надеясь, что это не мираж. На секунду закралось подозрение – вдруг плоды несъедобные. Но пальцы сами потянулись к пище.

Сорвав плод, я с наслаждением впиалась в сочную мякоть и поглощала плоды, пока на ветке не остались одни черешки. В животе довольно булькнуло, уши потеплели и поднялись.

– Не умру, – прошептала я в пустыню все еще хриплым голосом. – Слышишь, ящерка? Не сегодня.

У меня хватило смелости сорвать пучок и натереться, пока раны не воспалились. Кожу запекло; когда все порезы вспенились, я откинулась на ствол и замерла. Жжение проникло в самую глубину, словно крошечные жуки вгрызаются в тело.

Чтобы не потерять сознание, попыталась думать об исцелении, о полезности травки, хоть и жгучей до дурноты. Я молча терпела с каменным лицом.

Боль отступила неожиданно и полностью. Сукровица исчезла, раны затянулись, даже шрамов не осталось.

Как только телесная боль отступила, в черепе загудело. Я тряхнула головой, пытаюсь освободиться, но шум лишь усилился. Миллионы голосов зашептали на разных языках – галдят, пытаются перебить друг друга.

Я зажала уши ладонями и закричала:

– Оставьте меня в покое!

Рой моментально затих. Я замерла в ожидании новой волны, но мысли будто поняли, кто тут хозяин, – разбежались и тихонько выглядывают из-за углов.

Повисла тишина.

Из глубины сознания поднялась мысль, настолько огромная, что я съежилась. Она уставилась пустыми, бездонными глазами и зашагала вперед. Даже слышно стук каблуков, а может, это просто кровь в висках пульсирует.

Мысль царственно подошла и поклонилась.

– «Кто я», – представилась она.

Во рту пересохло, теперь уже от нервов.

– Кто я? – механически повторила я и опустила руки в траву.

Мысль злоеще захохотала и растворилась в пустом сознании.

По небу плывут реденькие облака, солнце беззаботно сияет. Ветерок играет с кронами деревьев и шелестит листвой. Мир такой, как прежде, и просуществует еще миллионы лет. Ничего не изменилось, кроме одного – я не помню этого «прежде».

Я с силой потеряла лоб, пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь, но в голове пусто, разве что муха не летает по кругу.

– Может, все сон? – спросила я себя. – Во сне всегда не помнишь, как уснул.

Ожидала, что величественная мысль снова поднимется из неведомых глубин, но та предательски молчит.

Снова потеряв лоб, я проговорила быстро:

– Нет. Боль была вполне реальной, такое не спутать. Имя! У меня должно быть имя! Все плохо, все очень плохо!

В районе солнечного сплетения ухнуло, будто оборвался подвесной мост, по телу прокатилась волна паники. Я подскочила, едва не стукнувшись о ветку, и в ужасе кинулась в глубину роши.

Несколько раз чуть не осталась без глаз из-за кривых веток. Еловые колючки ободрали кожу, листья налипли на лоб и плечи. От чумного бега в затылке потеплело, даже уши нагрелись.

На пути выскочил раскидистый куст с блестящими от сока шипами. Попыталась обогнуть слева, но споткнулась о пень и рухнула в заросли.

Колючки оставили неглубокие, но длинные порезы. Я взвыла от досады, но падение в терновник немного отрезвило. Поднявшись, я встала рядом с кустом, чтобы осмотреть на наличие яда.

– Вырос, бестолочь! – процедила я, будто пень может понять.

Пень, естественно, не ответил, стоит себе у куста, качает грибочками на тонких ножках. Зато куст цветет и благоухает, призывно раскрыв бутоны. Над ними гудят пчелы, от чего куст кажется неведомым зверем.

Поняв, что яда в нем нет, я осмотрела царапины. Они оказались не глубокими и заживут без магической травы.

Но все же пришлось минуту стоять без движений и глубоко дышать, приводя мысли в порядок и заставляя сердце биться ровно.

– Хорошо, – попыталась рассуждать я, – мне не известно имя, откуда и куда направлялась. Но я жива, могу связно думать и изъясняться. Какая-то тварь дала по голове и бросила погибать в пустыне. Не с неба же я свалилась. Но потеря памяти не бывает вечной. Скоро вернется. Непременно должна вернуться.

Наивные выводы немного успокоили, но в груди заворочалась смесь обиды и гнева. Я сдавленно зарычала и двинулась сквозь заросли в поисках разумной жизни.

Мысли потекли пустые и безответные, похожие на разбавленный кисель. Безмолвная тревога притаилась в районе груди и время от времени напоминает о себе короткими спазмами.

Я понимала: произошло что-то нехорошее. Возможно, сама натворила что-то ужасное – съела чей-то обед или пришла на прием в одинаковом наряде с какой-нибудь королевой. Но за это не убивают. Или убивают?

В ветках пискнула синица. Вспорхнув с ветки, она села мне на плечо и залилась звонкой трелью. Я с удивлением покосилась на бесстрашное создание. Птичка перестала петь и развернулась пестрым боком. Глаз-бусинка внимательно уставился на меня.

Я поднесла палец к пушистому брюшку, осторожно прикоснулась. На ощупь перышки мягкие, как высококлассный шелк. Птичка встрепенулась, растопырила крылышки, но не улетела.

– Привет, козявка, – прошептала я в пернатую голову. – Не боишься?

Птичка повернулась, посмотрела другим глазом, будто поняла. Затем чирикнула и упорхнула к сородичам.

Я вздохнула, в голове проплыли странные мысли о небе, полетах и бескрайних просторах, даже подумала, что из меня бы получилась отличная птаха. Тогда бы точно не попала в эту нелепую передрягу. Просыпаешься, чистишь перья и отправляешься ловить жуков,

чирикать хором и гадить с веток. Если не нравится – лети в другое место, где небо выше, трава зеленее и жуки жирнее.

Под ногами похрустывают ветки, приходится ступать осторожно, иначе напугаю местное зверье или еще кого-нибудь. В лесу обитают такие твари, которых лучше не встречать.

Вверху тихо шелестит листва, тень от нее настолько густая, что полностью накрывает нижний ярус. Из-под зеленых кочек время от времени выпрыгивают любопытные белки, смешно растопыривают лапы, шевеля рыжими носами.

Я покосилась на них и произнесла, стараясь заставить голову работать в нужном направлении.

– Итак, – проговорила я. – Помню названия зверей и растений, но не помню ничего о себе. Думала, если память отшибает, то полностью.

Густая поросль кончилась, вместо нее пошли аккуратные кустики с прозрачными зелеными шариками. Сразу видно, что кто-то нарочно высадил, то ли для красоты, то ли для удобства сбора ягод. Я на ходу сорвала горсть и отправила в рот. Круглые шарики с треском лопнули на зубах, расплескивая горький вяжущий сок.

Я скривилась, терпкий вкус высушил язык, пришлось выплюнуть.

Через несколько шагов выбралась на хорошо утоптанную тропу. Из дальних зарослей донеслось фыркание и сопение. Медленно подкравшись к обочине, я раздвинула ветки.

За кустом в середине полянки скачет енот вокруг огромного ореха, коготки царапают скорлупу, пытаюсь расколоть. Орех катается по траве и разваливаться не торопится. На шорох енот обернулся, шерсть вздыбилась, глаза испуганно уставились на меня.

– Может, тебя надо изловить и съесть? – поинтересовалась я.

Енот словно понял, уши прижались, он сжал коготками орех и испуганно присел на задних лапках. Когда представила, что придется гоняться за ним, подманивать, возиться – уши уныло повисли.

– Радуйся, звереныш, – сказала я. – Мне идти надо.

Я отпустила ветки и отошла. Из зарослей донесся топот убегающих лап.

Тропа двинулась навстречу. Ноги по щиколотку утопают в пыли и противно чешутся, но под рыхлым слоем чувствуется утоптанная земля. Такое бывает после суховея, только непонятно – откуда в роще степной ветер.

Деревья редуют, кто-то явно позаботился о том, чтобы по тропе можно было свободно передвигаться даже ночью. По обочинам воткнуты палки с намотанными на концы тряпками. От ткани идет резкий маслянистый запах.

У старых деревьев ветки толстые, их подперли деревяшками. А деревца помоложе сами торчат, как веники. Видно – умелые руки любовно обрезают ветки, чтоб те скорее достигли плодоносного возраста, окопали.

Уверенности у меня прибавилось. Жители, которые бережно заботятся о кустах, непременно должны быть добродушными. И уж конечно окажут посильную помощь потерявшей путнице.

Тропа стала шире, деревья ниже, трава превратилась в кудрявый спорыш. Наконец роща кончилась, и передо мной открылось пшеничное поле.

Высокие колосья с приятным шорохом шумят на ветру и клонят золотистые головы. Я провела рукой по желтому ковру и облегченно выдохнула – землю возделывают, помощь близко.

Пришлось оставить спасительную тень и двинуться сквозь пшеницу. В прокаленном мареве пахнет соломой, в зарослях стрекочет то ли кузнечик, то ли еще кто-то. Воздух тяжелый, и солнце палит, но душа ликует.

Через каждые три шага холмики кротовых нор, слишком больших для обычных кротов. Приходится перепрыгивать. Под ногами шмыгают разжиревшие мыши.

Впереди замаячили коренастые фигуры мужчин и женщин, я подошла ближе и при-
смотрелась.

Те, что впереди, – орудуют косами. Лезвия срезают тонкие стебли, оставляя у земли
невысокие черенки. Другие следуют за ними на почтительном расстоянии, укладывают пше-
ницу аккуратными рядами и вяжут в снопы.

– Точно, – прошептала я. – Как и думала. Фермеры. Добродушные фермеры.

Вскинув ладони в приветственном жесте, я направилась к ним.

Глава 2

Первой мое приближение заметила толстая баба с пучком соломы в кулаке. Она приглядывалась и шурилась, пока я прыгала через кротовые норы. В конце концов, баба бросила солому и приложила ладонь козырьком ко лбу. Глаза медленно округлились, она подхватила подол юбки и истошно заорала:

– Эльфы! Чертовы эльфы вернулись!

Потом резко развернулась и бросилась убежать через выкошенное поле.

Я уронила руки и застыла, оттопырив уши. Горячий ветер буквально скребет кожу, треплет волосы, в лицо летят остатки соломы.

– Мне... мне помощь нужна, – пробормотала я изумленно.

Тут же поняла, как глупо это прозвучало.

Работяги на секунду замерли в замахе, приглядываясь ко мне. Лица хмурые и насто-роженные.

Женщины еще секунду смотрели на меня, потом с поросычьим визгом крутанулись и кинулись вслед за первой. Мужчины хором взревели и ринулись на меня.

Мелькнула запоздалая мысль – надо бежать обратно в рощу, а не стоять истуканом посреди поля. Но ноги словно приросли к земле. Я выпучила глаза, наблюдая, как приближается толпа разъяренных мужиков. Когда наконец смогла шевелиться, фермеры окружили меня плотным кольцом и наставили острия кос прямо в живот.

Я мысленно выругалась. Конечно, только мне могло прийти в голову, что фермеры раскроют объятия непонятно кому. Рожи перекошенные, носы картошками – такими только малышей пугать.

Чтобы не раздражать незнакомцев, пришлось поднять руки над головой.

– Я с миром, – сказала как можно дружелюбней. – Я вам не враг.

Рыжий мужик со шрамом на щеке замахнулся косой и оскалил гнилые зубы.

– Заткнись, мерзкая тварь! – проревел он басом. – Не враг, ишь ты! Незамеченной решила пройти? Ничего, Старейшина решит, что с тобой делать.

Он выставил лезвие перед собой, медленно обошел, не сводя с меня злого взгляда. Остальные замерли с поднятыми косами. Пока я тарасилась на фермеров, мужик прошмыгнул за спину и скрутил руки колючей веревкой, при этом умудрился удержать черенок косы. Затем бесцеремонно толкнул в спину и проорал:

– В деревню ее, под замок!

Я зажмурилась. Перед глазами поплыли цветные круги, в ушах зазвенело. Самое время взмолиться каким-нибудь богам, но, как назло, ни одного не помню.

Когда открыла глаза – почему-то стало еще страшней. Вокруг угрюмые фермеры со сверкающими косами и растворяются, как дурной сон, не намерены.

В животе похолодело, по спине пробежала холодная струйка и растаяла где-то внизу. Мужики сверлят глазами и качают остриями над землей. Если с размаху ударят – голова с плеч.

Я нерешительно шагнула, но споткнулась о сухой корень. Ноги резко поджались и аккуратно спружинили, будто обладают собственным разумом. Я выпрямилась и опустила изумленный взгляд на стопы.

Мужик гаркнул прямо в ухо:

– Шевелись, тварь!

Мое самообладание пошатнулось, я сдавленно выдохнула и покосилась на фермеров, которые издали казались такими дружелюбными. Пальцы затрясло мелкой дрожью, я сжала кулаки, понимая – нельзя выдавать страха. И уши прижимать тоже нельзя.

Я нервно сглотнула, проталкивая комок в горле. Рыжий поднес лезвие к самому носу.
– Ну, пошла! Тебе два раза повторять надо? – заорал он в нетерпении.

Я подчинилась.

Пока шли, незаметно рассматривала фермеров. Кожа бронзовая от солнца, могучие тела закрыты рубахами. Бороды настолько длинные, что можно заплетать. В глазах чернота, смотрят враждебно, будто я что-то украла. Рыжего слушают – значит, главный.

Руки быстро затекли в неестественном положении. Попробовала растянуть узел, но сухая веревка лишь сильнее впилась в кожу. Я в бессилии закусила губу.

Пытаясь выглядеть бесстрашной, я выпрямила спину, голову подняла. Рыжий заметил и больно ткнул черенком в плечо.

– Не выделяйся, эльф, – сказал он и поскреб пальцами подбородок. – Старейшина быстро собьет с тебя спесь.

Клочки смелости моментально испарились.

– За что? – вырвалось у меня.

Мужик не ответил, только многозначительно гыкнул, губы расплзлись в ухмылке, обнажив гнилые зубы. Я отвела взгляд, чтобы не видеть мерзкой рожи.

Мы пересекли поле и вошли в деревню. В нос ударил запах тухлятины и навоза. Я скривилась, щеки сами надулись, стараясь сдерживать дурноту.

Рыжий снова толкнул в бок и указал на дорогу. В груди закипело, страх перемешался с гневом, я прошипела:

– Чтоб тебе провалиться! Не обязательно все время тыкать. Можно и словами.

Фермер трубно высморкался, лезвие пролетело над головой, еле успела уклониться, чтобы уберечь уши.

– Словами будешь со своими болтать, – бросил он и тут же злорадно улыбнулся. – Хотя нет. Скорее всего, тебя прибьют сегодня.

Пока мужик вытирался рукавом, огляделась. С десятков деревянных домов выстроены по кругу и обнесены частоколом. В середине высокий терем с длинным крыльцом и резными колоннами. Двор похож на гигантское грязевое поле, две глубокие колеи тянутся мимо ряда корыт и теряются где-то за домами. Вместе с поросятами в луже кувыркаются дети, такие похожие, что не отличить, кто есть кто.

Из-за телеги с сеном вывернула та самая баба, которая подняла шум. За ней уверенно шагают две дородные девки с полными корзинами. Из плетенки тянет кислыми плодами и гнилым мясом. В носу засвербело, я с трудом сдержала чих.

Тетки решительно приблизились. Баба злобно оскалилась и запыхтела. От постоянного солнца и ветра лицо толстухи покрылось паутиной морщин, щеки обвисли, сотрясаются, как обезвоженные уши.

Она уперла руки в бока.

– Вы когда-нибудь видели что-нибудь более мерзкое? – бросила она подругам через плечо.

Сердце застучало, как безумное, уши дрогнули, но я проговорила, скривив губы:

– Ты себя вообще видела? Я грязная и неодетая. Но точно не мерзкая. Если бы не веревки, не косы, нацеленные в живот, – задушила бы собственными руками.

Девки глупо захихикали, подставляя бабе корзины с тухлостями.

– Что-о? – только и смогла выдохнуть бабка.

Ее щеки надулись, как у жабы в летнюю ночь, глаза выпучились. Она выхватила из кучи красный блестящий плод и запустила мне в лицо.

Сама не поняла, как успела увернуться, колени резко согнулись, спина выгнулась, на секунду я застыла параллельно земле. Потом мышцы во всем теле сократились, меня моментально выпрямило, как ивовый прут.

Я с трудом сдержала победную улыбку. Баба побелела от злости и завопила:

– Ах ты тварь! Ловкая, значит? А если так?

Она обернулась к подругам и подхватила подол юбки.

– Ну-ка, девочки, – прокричала она, – покажем эльфийской заразе, кто здесь главный!

Хватайте помидоры!

Девки заржали, будто только и ждали, когда тетка даст команду, и обрушили на меня поток тухлятины.

Затылок моментально потеплел. Прежде чем успела что-то осознать, тело изогнулось, корпус отклонился назад и быстро завертелся, избегая унижительных встреч с помидорами. Я крутилась и проявляла чудеса гибкости. Краем глаза заметила, как мужики и бабы таращатся с открытыми ртами, даже дети побросали поросят и выглядывают из-за юбок.

Рыжий вскинул широкую ладонь, обстрел моментально прекратился.

– Довольно! Ведите в темницу. Макар! – гаркнул он и обернулся к коренастому мужику в красной рубахе. – Иди к старейшине. Скажи, мы поймали эльфа-шпиона.

Мужик с бородой до груди бесцеремонно толкнул меня и повел к низенькому сараю. Двери нараспашку, будто специально ждали весь день. Из прохода тянет затхлой сыростью и старой картошкой.

Мы спустились по скрипучим ступенькам в небольшое темное помещение. По глазам прокатилась желтоватая волна, через секунду проступили мельчайшие детали, как если бы кто-то включил свет.

Нет. Лучше.

От солнечного света получается масса бликов, а тут предельная четкость и глубина. В груди затрепетало. С ночным зрением можно попытаться сбежать, когда деревня уснет. Правда, пока не знаю как.

Стараясь успокоить бешено колотящееся сердце, задержала дыхание и украдкой глянула на стражников. Те нелепо щурятся, вглядываясь в сумрак подвала, и держат косы наготове. Можно рвануться сейчас, но выход сторожат несколько фермеров. Придется ждать.

Мужик указал в конец подвала, который полностью занят клеткой. Прутья толщиной в руку.

– Туда, – сказал он.

Я угрюмо опустила голову и подошла к решетке. Лязгнул засов, двери камеры распахнулись, и меня с силой толкнули внутрь. Снова успела перескочить с ноги на ногу и спружинить.

– Да чтоб вас! – процедила я едва слышно и угрюмо покосилась через плечо на мужика.

Послышались грохот замка, топот на лестнице и стук двери. Через секунду в подвале затихло. Руки развязать мне никто не потрудился, оставили со стянутыми локтями.

Камера с земляным полом и решетчатым окошком под потолком моментально навела тоску и уныние. Чтобы хоть как-то отвлечься от хандры, стала разглядывать помещение. Фермеры потрудились укрепить стены подвала деревянными балками – весной наверняка подтапливает. На них полки с глиняными кадучками, в основном пустые, иначе учуяла бы. Лишь в одном остатки какой-то кислятины. Пол завален мешками с картошкой. Мыши постарались на славу – снизу ткань вся в дырах. Трухлявая лестница без перил, кажется, выходит прямо из земли и заканчивается на выходе.

От сырости и примесей мышьиной жизни в носу противно зашекотало. Сквозь основной запах проступили более тонкие, едва уловимые ароматы.

Я закрыла глаза. В голове одна за другой поплыли картинки. Вот упитанная женщина тащит в подвал набитый мешок, затем какой-то мальчишка сидит между перекладинами, видимо, прячется от кого-то, потом молодая парочка предается утехам втайне от посторонних глаз...

Образы родились прямо из воздуха, показывая все, что здесь происходило. Я потрясла головой, сбрасывая остатки бесполезных видений.

Чтобы сберечь силы, опустилась на сырой пол и уперлась спиной стену. В голове крутится единственная мысль – за что?

В груди медленно заклокотало, горячая волна поползла вверх. Когда достигла головы, перед глазами вспыхнули желтые и сиреневые круги. Уши запылали, будто перцем намазали.

– Уродливые гады! – прошипела я. – Я же ничего не сделала. Ничего! Каким-то эльфом назвали. Отлично. Значит я эльф, которого ненавидит вся деревня.

Мне стало до того обидно, что даже всхлипнула. Чтобы совсем не раскиснуть, несколько секунд таращилась в пол и старалась ни о чем не думать. Получалось плохо – мысли в полупустой голове двигаются, как важные гуси.

Я перевела взгляд на решетку. Прутья толстые, за сто лет не распилишь. От них идут странные волны, тело постепенно становится мягким и безвольным. Едва уловимый пригорно-горький запах растекается по подвалу, мягко лезет в нос и заполняет легкие.

Мысли противоречиво раздвоились: с одной стороны, захотелось бежать подальше, с другой – поддаться усыпляющему аромату, расслабиться и навечно уснуть, забыв о заботах.

Железо.

Крепко же меня ударили, если забыла, как пахнет проклятый металл. Пригляделась – прутья светятся красноватым, широкие волны медленно ползают по подвалу и колыхают воздух. Вот он, тот самый ализариновый цвет, который туманит ум, сковывает волю и ослабляет тело.

В попытке избавиться от сладковатого дурмана, резко выдохнула через нос. Поглядев на всякий случай по сторонам, я забормотала:

– Я выжила под солнцем. Глупо будет погибнуть в плену у полоумных дикарей. Давай, давай, голова, думай. Раз не убили – значит, будут допрашивать. Что говорить? Если сказать правду – прикончат.

Рой мыслей, как назло, неподвижно замер и тихо наблюдает за бессильными попытками найти спасение.

За дверью послышались легкие шаги, я растопырила уши и вслушалась, шевеля острыми кончиками. По ним прокатилась легкая дрожь, кожа покрылась мурашками.

Дверь тихонько отворилась, на ступеньки опустилась маленькая ножка, затем показалось хрупкое тельце. Маленькая девочка с золотистыми косичками прокралась вниз и замерла у стены, засунув в рот пальцы. Огромные голубые глаза с интересом уставились на меня.

Мы несколько секунд таращились друг на друга. Она не проявляла агрессии, и я решила поговорить – дети должны быть сговорчивей взрослых.

– Привет, малявочка, – сказала я тихо. – Тебя как зовут?

Голос прозвучал глубоко и вкрадчиво, сама не ожидала. Девочка почему-то вздрогнула, высунула пальцы изо рта. Затем резко развернулась и, спотыкаясь, кинулась вверх по ступенькам.

Я крикнула:

– Подожди! Не убегай!

Но малышка уже выскочила на улицу. Послышался удаляющийся топот маленьких ножек и гусиный гогот.

Дверь осталась открытой, сквозь решетку видно небо и кусочек деревянной крыши. Вздохнув, я снова уткнулась затылком в обшарпанную стену.

От холодной поверхности веет старостью и тоской. Наверное, перевидала множество безнадежных пленников, которые уходили отсюда в последний путь. Себя стало тоже жалко,

в глазах опять помокрело. Захотелось, чтобы пришел кто-то большой и сильный, наказал всех плохих и спас из этого проклятого места.

У входа вновь послышались шаги, на этот раз тяжелые и уверенные. В подвал потянуло сильным запахом сандала и курительных трав. Точно знаю, такие ароматы используют для вызова духов и окуривания помещений.

Чутье опасно пискнуло и свернулось калачиком в районе пяток, уловив душок магии. Попыталась вспомнить богов, которые карают врагов, с раскалыванием небес и молниями из туч. Но в голове чисто, как у новорожденной, только мухи не хватает, чтоб летала от уха до уха.

Тяжелый сапог ступил на лестницу, старые доски скрипнули и прогнулись. Закутанная в цветные одеяния фигура спустилась в подвал, демонстративно задирая голову, и остановилась у стены. Лицо костлявое, скулы острые, как у покойника, черные глазки впились в меня, изучая сантиметр за сантиметром.

Несколько секунд его взгляд змеей ползал по телу, останавливаясь то на груди, то на талии. Затем главный, а это непременно главный, хмыкнул и скривился в непонятной ухмылке.

За ним по ступенькам сбежал невысокий плюгавенький мужичок и остановился у тощего. Взгляд заискивающий, козлиная борода на треугольном лице растрепалась, как метелка. Из-под жилетки выглядывает красная рубаша поверх штанов.

Плюгавый подскочил к решетке, по-лисьи зыркнул на меня, теребя в руках нитку с деревянными бусами, и отпрыгнул обратно.

– Ей-ей, эльфийка, как пить дать, – проговорил он скрипучим голосом. – Серая-серая. Почему она серая, господин?

Он подхватил подол одежды, потянул к подбородку, гнусаво сопя в длинный нос, и заискивающе уставился на тощего.

Тощий сдержанно прокашлялся и сделал несколько шагов в мою сторону. По телу прокатилась волна мурашек, чтобы сохранить достоинство, я громко задышала, пытаюсь заменить страх гневом.

Пока скелет мерил оценивающим взглядом, поднялась. Замерев у стены, я разглядывала его в ответ и думала, что совсем не похожа на местных. Все они крупные, мускулистые, кроме этого тощего. Ушей почти не видно. Не уши, а культы, кожа желтая, морщинистая, как перезревшее яблоко. То, что я эльф, выяснила. Но ясности от этого мало.

Тощий благоразумно остановился в метре от клетки и накиннул на локоть край рукава.

– Так-так, что тут у нас, – протянул он бархатным голосом.

Я напряглась, от его слов уши едва не прижались, с трудом удержала их в вертикальном положении. Он прищурил левый глаз и вытянул подбородок. Нос заострился, голова стала похожа на орлиную.

– Хм, серая, но красивая, – проговорил он нараспев. – Откуда вы беретесь? Раньше только светлые донимали, теперь еще желтоглазые. Лазутчица?

В животе екнуло, как если бы все-таки ткнул в него. Меня передернуло, по спине в очередной раз побежали крупные мурашки.

Я покосилась на прутья решетки и отодвинулась. Память о железе лежит где-то в глубине сознания, где хранятся самые древние инстинкты. Можно забыть, кто ты и откуда, но красноватое сияние, которое приносит боль и забвение, запоминается навсегда.

Маленькие глазки тощего разглядывают с подозрительным интересом. Я скривила губы, представив на секунду, какие мысли приходят в остроносоую голову. Затем проговорила осторожно:

– Зависит от того, что меня ждет.

Тощий приподнял орлиную бровь, по лицу медленно поползла хищная улыбка, он глухо засмеялся. Плюгавенький подпрыгнул на месте, физиономия сморщилась, он захихикал. Эти двое хохотали, наверное, вечность. Затем тощий взмахнул ладонью и резко замолчал. Плюгавый моментально затих, согнувшись с заискивающей улыбкой.

Тощий прочистил горло и демонстративно вытянулся.

– Не в твоём положении торговаться, серая, – проговорил он серьезно. – Допустим, все-таки ты лазутчица.

Я сдунула со лба прядь и спросила:

– И что?

Тощий прищурился, сухие пальцы скользнули по гладко выбритому подбородку.

– И то. Будем допрашивать с пристрастием, – пообещал он.

При этом странно ухмыльнулся, в глазах полыхнул нездоровый огонек. Я невольно поежилась – что-то отталкивающее есть в этом долговязом персонаже с колючим взглядом.

– Да пожалуйста, – проговорила я, усиленно вытягивая уши, хотя внутри все сжалось. – Пытками ничего не добиться.

– Ты права, – хмыкнул тощий, задумчиво вытянув губы. – Как-то три дня мучили молодого эльфа – хотя бы звук издал. Так и помер молча. Умеете вы терпеть.

Страх и бешенство заклокотали в груди. С большим трудом удалось унять дрожь в коленях. Я подняла на него взгляд, показалось, тощий побледнел, но через секунду его лицо вновь приобрело хозяйское выражение.

– Рядом с тобой даже блоха покажется героем, – проговорила я медленно и подумала, что теперь мне точно конец.

Тощий шагнул к решетке и злобно прищурился. Щеки покрылись красными пятнами.

– Не забывайся, эльфийка, – процедил он. – Я могу убить тебя прямо здесь.

Он отвернул пальцами край накидки и показал огромный зеленый камень, ограненный черным металлом. Пальцы коснулись блестящей поверхности, подвеска сверкнула и зашипела.

Самое время замолчать и проявить смирение, но меня уже понесло.

– Так чего ждешь? – сказала я с вызовом. – Давай убей и закончим. Все равно я тебе ничего не скажу.

А про себя добавила, что говорить мне особо нечего.

Тощий с достоинством завернулся в одежду, поправляя складки на груди, и пожал плечами.

– Я бы с удовольствием, – проговорил он. – Но народ не поймет. Не могу же я лишиться развлечения изголодавшуюся по зрелищам толпу.

Глаза выжидающе вперились в меня. Взгляд хищный, лицо в морщинах, на голове одуванчиком торчит редкая седина.

Я уставилась вниз, делая вид, что разглядываю куски глины на полу. Тощий мог бы расправиться со мной в один момент. Оба понимаем – ему нет дела до народных увеселений. Власть удерживает другим способом, значит, надеется что-нибудь выведать.

Мысленно вознесла молитву неизвестным богам, надеясь, что они и дальше не оставят. Затем снова подняла глаза и в упор посмотрела на тощего.

– Могу я узнать, с кем говорю? – спросила я, покосившись на карлика за его спиной.

Нос широкий, глаза сально блестят из-под кустистых бровей, губы кривятся в мерзкой улыбочке. Кожа неестественно желтая, наверное, болеет. А вообще, уродцы обычно умирают в раннем детстве.

Тощий хищно улыбнулся, обнажив белоснежный клык, все больше походя на живого скелета. Видимо, он единственный в деревне, у кого зубы не проела гниль. От зеленого амулета пахнет примитивной магией. Но ее достаточно, чтобы пришибить меня прямо тут.

Он наклонил голову и вздернул нос.

– Проквас, – сказал он, – объясни нашей удивительной пленнице, с кем говорит.

Плюгавенький встрепенулся, подскочил к железной решетке. Рот кривится в ехидной ухмылке, зрачки расширились. Все мысли отражаются на лице карлика, от них становится совсем дурно.

– Ей-ей, мерзкое отродье, – проговорил он скрипучим голосом. – Трепещи, серая! Перед тобой Старейшина Последнего рубежа.

– Рубежа перед чем? – спросила я и глянула на потолочную грязь. Кто-то ловкий умудрился оставить след сапога на побелке.

Плюгавый плюнул себе под ноги.

– Будто ты, ей-ей, не знаешь, – огрызнулся он. – Последний рубеж перед вашим, будь он трижды сожжен, лесом!

В голове стало гулко, как в улье, мысли хаотично понеслись в разные стороны. Нашим лесом? Нашим – значит эльфийским? Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, стараясь не выдавать возбуждения, я подняла подбородок и выпрямила спину.

– Знаю, – проговорила я сдержанно. – Хотела, чтоб сам признал.

Проквас обиженно завизжал и прыгнул обратно к Старейшине. Тот погладил его по голове, как ручного волка, и указал назад. Коротышка шмыгнул за спину, его щека прижалась к подолу тощего, он довольно выглянул из-за ног.

Брови Старейшины сдвинулись, по центру лба пролегла глубокая морщина. Он так стоял, казалось, вечность. У меня уже спина устала стоять по струнке.

Наконец тощий снисходительно улыбнулся. Щеки втянулись, тощий стал еще больше похож на скелет, я поежилась, но взгляд выдержала. Зеленая стекляшка под его одеяниями сверкнула, даже сквозь ткань стало видно. Я сделала вид, что не заметила, хотя во рту пересохло.

– Дерзкая желтоглазая, – спокойно проговорил Старейшина. – Продолжай в том же духе. Хотел пожалеть тебя, да, видно, поспешил с выводами. Ты не похожа на эльфов, которых видел прежде. Даже закралась мысль, что можно было бы... Хм, не важно.

Он выдержал многозначительную паузу и довольно облизнулся.

– Знай, блудница, – продолжил он, – тебя вытащат на площадь и будут пытаться каленым железом. Надеюсь, будешь вопить и корчиться в нестерпимых муках. А когда обессилеешь – лично отсеку тебе уши и повешу на шею в качестве трофея. Потом тебя разрежут на кусочки и скормят собакам.

С этими словами он резко развернулся, мантия всколыхнулась и пошла крупными волнами. Тощий затопал по ступенькам и скрылся в проходе в сопровождении прихвостня.

Я обессиленно опустила на колени и уронила голову. Демонстрировать смелость – совсем не то, что ее испытывать. Связанные за спиной руки свело от напряжения, плечи болят, словно вместо мулов запрягали.

– Он отрежет мне уши... – прошептала я.

Сердце ударилось о грудную клетку и зашло в бешеном ритме. Представила, как волокут на середину площади, привязывают к столбу и безжалостно прижигают каленым железом. Народ вокруг довольно улюлюкает, требует, чтобы жертва вопила диким голосом.

И не каленого было бы достаточно. От одной мысли об ализариновом металле кожа покрывается мурашками размером с горошину.

Из глаз потекло горячее. Мокрая дорожка проползла по носу и повисла тяжелой каплей на кончике. Я горько всхлипнула и вытерлась о плечо, оставив на коже грязные разводы от пыли.

Несколько минут я просто сидела и редела, как самое никчемное существо в мире. Потом, видимо, влага кончилась, осталось только шмыганье носом.

В конце концов, это тоже надоело. В районе солнечного сплетения вспыхнуло, в порыве гнева я ударила коленкой пол. В стороны разлетелись мелкие комочки глины.

– Сбегу, – произнесла я твердо.

Внимательно оглядев камеру, поняла – самостоятельно выбраться из-за железной решетки не получится. Даже ключ не смогу взять – наверняка ализариновый. Разве что выломать ненавистные прутья чем-то тяжелым...

Скрипнула лестница, я подняла голову и откинула со лба грязную прядь. На ступеньке стоит та же девочка с золотыми косичками и прижимает к груди тряпичную куклу.

Я замерла. В первый раз детеныша напугал даже звук моего голоса.

Девочка спустилась на пол и осторожно подошла к решетке. Только сейчас заметила ее неестественную худобу. Щеки впали, скулы острые. Из широкого выреза торчат ключицы, такие тонкие, что даже я переломлю одним пальцем. На ножках-палочках безразмерные кожаные сапоги. Только огромные живые глаза наблюдают с неприкрытым интересом.

Девочка поежилась и сильнее сжала куклу.

– Мама говорит, ты эльф, – проговорила она тонким голоском.

Малышка решила подойти еще ближе. Переминается с ноги на ногу, робко жметесь и все ближе подбирается к решетке. Я сотню раз пожалела, что связаны руки. Не побоялась бы ализариновой дряни. Обожглась бы, но шанс выбраться этого стоит.

На всякий случай потянула локти в сторону, но сухие веревки сильнее врезались в кожу. Я досадно выдохнула и проворковала, стараясь быть ласковой, насколько умею:

– Наверное, твоя мама права. Что еще она говорит?

Девочка опустила глаза и проговорила тихо:

– Что вы ненавидите людей. Если не буду слушаться, то придут злые эльфы, утащат в свое логово и заживо съедят.

Она замерла. Я задумалась – сама только что окольными путями выяснила, какое имею отношение к ним. Откуда мне знать, злые мы или нет и как поступаем с человеческими детьми. Мой маленький опыт подсказывает, что к людям вряд ли питаем глубокую привязанность.

– А ты слушаешься? – спросила я

Она неуверенно кивнула, я продолжила:

– Тогда тебе нечего бояться.

Я решила выведать о своем народе, пока она не поняла, что слишком много болтает. Взрослые агрессивны, а этот золотой одуванчик даже милый. Ресницы пушистые, глаза блестят. Если бы не широкий подбородок и короткие уши – могла бы за эльфенка сойти.

Приподняв затекшее колено, я спросила:

– Значит, в лесу живут эльфы?

Девочка задумчиво накрутила косичку на палец и чуть подалась вперед, пристально разглядывая меня.

– Да, – ответила малышка. – В лесу живут эльфы с длинными, как у тебя, ушами и красивыми лицами. Но это обман, на самом деле они нападают на деревни и забирают самых сильных.

Девочка нахмурилась, в совсем не детском взгляде немой укор и неприкрытая обида. Даже немного совестно стало – дети самые беззащитные у всех живых существ.

Я тряхнула головой, выбрасывая остатки сочувствия, и попыталась сложить четкую картинку. Из слов детеныша выходит, что я лесной монстр с милым личиком. Про личико даже старейшина упоминал. Краду детей и ем на обед.

Представила, как жарю на костре крошечное тельце, отрезаю кусок и кладу в рот. От омерзения передернуло.

Девочка осмелела еще больше.

– Мама однажды видела, как отряд эльфов напал на деревню, – проговорила малышка. – Она рассказывала, что лесные демоны налетели, как ураган, поймали брата и еще несколько человек. Посадили на единорогов, которые скачут быстрее ветра, и скрылись с ними в лесу.

Девочка замолчала, откровенно разглядывая мои уши. Я почти физически ощутила, как взгляд ползает по острым кончикам, и дернулась от раздражения – чувствую себя товаром на прилавке.

Девочка вздрогнула и отскочила назад. Я поспешила ее успокоить, боясь потерять единственного собеседника и информатора в одном лице.

– Пожалуйста, не бойся, – заверила я. – Ты в безопасности. Видишь, какие толстые решетки?

Малышка смерила недоверчивым взглядом прутья, через несколько секунд ее плечи снова расслабились. Но больше приближаться не стала.

– Ты знаешь, где хранится ключ от клетки? – спросила я ласково.

Глаза девочки выпучились, пальцы крепче вцепились в куклу, она затаила дыхание.

Я торопливо проговорила:

– Если сможешь, обещаю, тебя никогда не украдут эльфы.

Про себя поежилась – соврала ребенку и даже глазом не моргнула. С другой стороны – на войне как на войне. Они ведь притащили меня, безоружную и растрепанную, посадили в клетку и готовят к позорной казни.

Девочка нахмурила лоб, губы надулись. Несколько секунд натужно сопела, наконец шумно выдохнула.

– Ключ у главного сторожа, – проговорила она тихо, но четко. – Он носит его на поясе и никогда с ним не расстается.

– Тьфу ты пропасть... – прошептала я.

Но девочка услышала и все же отшагнула к лестнице.

– Ты серая, – сказала она вдумчиво.

– Гм.

– Раньше серых не было, – продолжила она. – Только белые, как стены в амбаре.

Я покосилась на нее и сказала, больше для виду, потому что уже поняла – выбраться отсюда без ее помощи не выйдет:

– Может, в честь этого окажешь услугу?

Она вытаращилась еще сильнее. Пока она хлопала ресницами, я быстро сообразила, согласится ли принести ключ, если ее очень сильно попросить. Даже если получится выбраться из подвала, окажусь в середине деревни у всех на виду. Будет всего несколько секунд, чтобы добежать до поля, пока фермеры схватятся за оружие. Хотя я определенно быстрее их.

Вполне достойный шанс.

Я набрала побольше воздуха и подготовилась к длинной проникновенной речи.

– Малявочка, милая... – начала я.

Сверху донеслось громкое ржание, грохот копыт, раздались испуганные крики и звон металла. Из двери потянуло сквозняком, я принюхалась – легкий терпковатый запах похож на смесь дерева и гвоздики.

Шум с улицы усилился. Вопли людей утонули в конском топоте и металлическом лязге.

Глава 3

Девочка с ужасом замерла перед клеткой, боясь шевельнуться. Маленькие ручки вцепились в куклу так, что побелели костяшки, глаза выпучились и не мигают.

– Мама! – сдавленно пискнула она.

Малышка метнулась к лестнице, но у самых ступенек остановилась, перепуганно уставившись в проход. Потом отступила на несколько шагов и затравленно оглянулась на меня.

Грохот наверху усилился настолько, что в ушах зазвенело.

Я хаотично соображала, что говорить перепуганному ребенку. Обоняние рисует дикие картины. В голове мелькают образы, вижу, как фермеры падают под блестящими копытами, женщины прячутся в домах, на бегу хватая детей. Наездники яркие и непонятные.

Девочка затряслась как осиновый лист, голубые глаза заблестели от влаги. Она всхлипнула и метнулась к куче мешков в углу. Дрожащими руками проделала небольшое отверстие и протиснулась внутрь. Затем подтащила мешок с пола и заткнула проход. Теперь куча выглядит вполне натурально.

Я завистливо посмотрела на неприметную кучу – малышка нашла укрытие, а у меня в распоряжении лишь голые стены, земляной пол и смертоносная решетка.

Стянутые за спиной руки онемели настолько, что совсем перестала их ощущать. Безысходность накатила тяжелой волной и парализовала. Даже встать сил нет.

Я уронила голову и замерла в ожидании неизбежного.

Грохот раздался у самой двери, за ним последовал лязг металла и сдавленный крик. Я невольно повернулась, ожидая увидеть виновников заварухи. Напасть на фермеров могут только совсем отъявленные разбойники.

Воображение успело нарисовать суровых косматых людей, в звериных шкурах, с гигантскими топорами в руках, которыми они рассекают людей. За сражением, сидя на черной лошади, наблюдает предводитель – угрюмый, с клыками размером с ладонь. Борода свисает до самого живота, а из-под широких бровей блестят злые глаза...

На порожек ступила нога в высоком сапоге с витиеватыми узорами. Стройная фигура, не касаясь ступеней, пронеслась над лестницей и приземлилась на одно колено.

Внутри меня все взорвалось, сердце бешено заколотилось. Точно выскочит из груди, если так и останусь сидеть. Дыхание, как у птички, даже связанные руки задрожали.

– Эльф... – прошептала я. – Эльф во плоти... Какой белый.

Он выпрямился и быстро огляделся.

От высокой фигуры веет уверенностью и величием, грудь и плечи покрыты ослепительным металлом. Сверкающие мечи зажаты в ладонях, с лезвий срываются багровые капли и впитываются в пол. На лбу узкое кольцо с синим камнем. Длинные волосы настолько белые, еще чуть-чуть, и засветятся в полутьме подвала. Из этой копны торчат остроконечные уши, кончики нервно подергиваются.

У меня язык прилип к нёбу. Хотела крикнуть, но голос пропал, в глотке сжался тугой комок. Покосилась на решетку – ализариновые потоки от нее превратились в настоящие реки, ползут по темнице, словно змеи, накрывают слабостью и дурнотой.

Нос защекотало терпким запахом вперемешку с железным дымом. Воин расширил глаза, взгляд слепо блуждает по комнате, периодически останавливаясь на крупных предметах. Даже чуть остановился на куче с мешками, где, не помня себя от ужаса, трясется девочка. Чую, как запах страха поднимается из узких щелей между мешками.

Его взгляд переполз на железную решетку, глаза сощурились. Я поняла – он и правда не видит.

Внутри все сжалось, я снова попыталась крикнуть, но получилось лишь пропямкать губами. Оцепенение усилилось, тело потяжелело, меня против воли стало прижимать к полу, захотелось уткнуться лицом в сырую глину и забыться.

Воин отвернулся, согнул колени, готовясь к мощному прыжку, и бросил контрольный взгляд на мою камеру. Брови взлетели на лоб. Синие, как глубокое море глаза, изумленно расширились. Он развернулся на месте и всплеснул руками, едва не задев мечами кувшины на полке.

– Святые эльфы... Кто вы, миледи? – зататорил он, подскочив к решетке. – Как здесь оказались?

Белокожий с открытым ртом разглядывает меня. Хотела спросить, не издевается ли он насчет миледи, но голоса все еще нет.

С великим трудом я поднялась с колен, чтобы не выглядеть совсем уж жалкой. Преодолевая головокружение, выпрямилась во весь рост.

Перед оторопевшим эльфом открылась моя грязная, поцарапанная фигура. Ноги до самых колен покрыты подвальной пылью, на животе след от помидора – один из снарядов все-таки достиг цели. Волосы превратились в сплошную паклю и свесились грязной сосулькой до пояса. Не так я представляла знакомство с представителями своего народа.

Эльф проморгался, приходя в себя, и сказал с жаром:

– Как этим обезьянам удалось поймать эльфийку? Я немедленно вызволю вас из позорного плена, миледи.

Я похлопала ресницами и перевела взгляд на прутья. Ализариновые потоки слились в сплошное полотно и колышутся в воздухе, как утренний туман.

Одурманенный ум соображает медленно, но я все-таки успела заметить, что он словно не обращает внимания на железо. Будто его вообще тут нет.

Он окинул озабоченным взглядом решетку и пробормотал что-то неразборчиво. Я понимающе закивала – края прутьев закреплены в стене. Даже если нет – руками расшатать не получится.

Белокожий сдвинул брови и потер подбородок. Несколько секунд разглядывал камеру, затем раздраженно фыркнул. Словно не привык проигрывать.

Он успокаивающе вскинул ладони и попятился.

– Можете не беспокоиться. Я все устрою, – сказал он и, метнувшись к лестнице, скрылся в проходе.

Я не сомневалась, что белокожий вернется, уж очень обнадеживающе смотрел. На сырой глине остались едва заметные следы его сапог. Такие слабые, что даже мой зоркий глаз с трудом видит. Застыв в мучительном ожидании, я уставилась в проход.

С улицы доносятся звуки затихающего сражения, сквозняк приносит запах свежей крови и непонятных животных.

Секунды поползли медленно, словно толстые улитки, растягиваясь в такие же бесконечные минуты. Я стала считать удары сердца, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей. Но они все равно лезут в одурманенную голову, перед глазами появляются какие-то образы, чужие лица, незнакомые места.

Я потрясла головой, уши приподнялись и зашевелились. В куче мешков раздался едва различимый шорох, из маленькой щели показалась золотистая головка с перепуганными глазами. Девочка с перекошенным от ужаса лицом уставилась на меня. Я успела понять, что общаться с человеческими детьми не очень умею. Чтобы не напугать в очередной раз, решила молчать.

Сверху донеслись жалобные всхлипы и грубые голоса. Малышка замерла, шумно вдыхая воздух, и нелепо вытянула руки. На тоненькой шее пульсирует синяя жилка, зрачки расширились. Слышу, как трепещет детское сердце, теперь больше похожее на мышиное.

У входа послышался топот, девочка молниеносно юркнула в незатейливое убежище и прикрылась мешком. Донесся сдавленный чих – неудивительно, подвальная пыль даже мне нос свербит.

В подвал влетел синеглазый эльф, за ним в дверь попыталось протиснуться огромное каменное существо. Проход оказался слишком узким. Существо секунду пялилось на дверь, затем шагнуло на лестницу. Раздался сухой треск, со стен посыпалась известь и глина, заполняя подвал клубами серой пыли.

Белокожий закашлялся, отскакивая в сторону. Каменный монстр с невозмутимой рожей пролез внутрь. Ступеньки под ним жалобно скрипнули, существо спустилось и выжидательно остановилось у стены.

Я замерла в середине камеры, всем видом показывая, какая я послушная и беззащитная. Синеглазый тарашит глаза, щурится – ему точно не хватает ночного зрения.

Он осторожно шагнул к решетке и поправил обруч на лбу.

– Миледи, вам лучше отойти, – проговорил синеглазый. – Голем лишен чувства меры. Не хочу вас ранить.

Я молча отошла в дальний угол, когда спина коснулась стены, крепко прижалась, не обращая внимания на стянутые руки.

– Дергай! Живее! – скомандовал белокожий.

Каменный монстр приблизился к решетке, оставляя в полу глубокие ямы. Он ухватился огромными руками за прутья и рванул в сторону. Решетка жалобно заскрипела и прогнулась под грубым натиском. Боковые штыри зашатались, но остались в стене.

Голем снова дернул, на этот раз сильнее. Железо оглушительно простонало, штыри медленно поползли наружу. Из дыр посыпалась пыль и каменная крошка, я закашлялась.

Существо с ревом потянуло на себя, остатки окаменевшей глины треснули и посыпались крупными кусками на пол. Голем с хрустом выдрал решетку, затем поднял над головой и несколько мгновений так стоял. Лишь когда белокожий что-то скомандовал, он швырнул ее на кучу мешков. Металл глухо ухнул, с протяжным шуршанием решетка сползла на глину, стягивая следом полупустой мешок.

Я застыла с вытянутыми ушами, в глубине свала тихо всхлипнуло. Но белокожий, кажется, не заметил. Он убрал один меч в ножны и приблизился.

– Миледи, вы свободны, – проговорил он, протягивая ладонь. – Позвольте проводить вас в безопасное место.

Я неловко поежилась и указала на связанные руки. Эльф выдохнул, краснея:

– О, прошу меня простить. В темноте плохо вижу.

Он одним взмахом рассек веревки. В пальцы хлынула кровь, онемевшие ладони приятно закололо. Я выдохнула и попыталась благодарно улыбнуться. Наверное, получилось не очень, потому что лицо эльфа осталось неизменным.

Повисла короткая пауза. Прислушалась – девочка перестала трястись и съежилась в комок. Белокожий слегка отступил назад и приложил кулак к груди.

– Меня зовут Лисгард, – представился он. – Я пришел с рейдовым отрядом. Но кто вы, прекрасная незнакомка, и как оказались в плену у людей?

Я хмыкнула, представив, какая сейчас из меня незнакомка, да еще и прекрасная. Грязная, босая, со свалявшимися волосами.

– Это хороший вопрос, – наконец проговорила я хриплым от ализарина голосом.

Синеглазый непонимающе дернул ушами, острые кончики сверкнули в темноте, как крошечные молнии. В ночном зрении выглядит особенно красиво.

Я похлопала ресницами, ожидая, что он снова заговорит, но белокожий молча щурился, словно пытался что-то во мне высмотреть.

В конце концов, я не выдержала и пояснила:

- Не помню имени.
- Чьего? – снова не понял он.
- Своего.

Лисгард сверкнул глазами и шарахнулся, как от прокаженной.

– Они с вами что-то сделали? – выпалил он изумленно. – Мы сотрем эту деревню в пыль! Найдем другую ферму для рейдов. Никто не смеет издеваться над эльфами!

Особо теплых чувств к фермерам я не испытывала. Тем более после того, как закидали меня тухлятиной и грозили жуткой расправой с отрезанием ушей.

Я немного помолчала, искоса поглядывая на белокожего. Тот аж светился от возмущения. Простояв в тишине несколько секунд, поняла, что остывать он не намерен.

Я осторожно проговорила:

- Нет, они ничего не сделали.
- Точно?
- Да, – подтвердила я. – Только пригрозили.

Белокожий выдохнул и проговорил:

– Значит, я вовремя успел.

– Если бы чуть позже, – сказала я, прочищая голос, – мои уши болтались бы на шее Старейшины.

Лицо Лисгарда снова вспыхнуло, серебристое лезвие меча опасно качнулось, блеснув в темноте подвала, словно само светится. Показалось, даже зазвенело.

– Они угрожали вам? – выдавил белокожий сквозь зубы. – Угрожать одному эльфу – все равно что угрожать всему эльфийскому роду!

– Что это значит? – осторожно поинтересовалась я.

Он ответил горячо:

– Нужно разобраться!

Я даже отстранилась, от белокожего повеяло праведным гневом. Глаза расширились, скулы заострились, словно у мертвеца, он скрипнул зубами. Вскинув мечи, Лисгард развернулся на месте и направился к выходу.

Весь его вид говорит о том, что сейчас устроит настоящую резню. Деревня залется лужами крови, трупы детей и женщин в неестественных позах, отрубленные части тела, беспорядочно разбросанные по земле...

– Нет! – выпалила я в ужасе и зажала рот, понимая, как странно это прозвучало.

Белокожий замер и вопросительно посмотрел через плечо.

– Миледи? – сказал он и непонимающе прищурился.

Пока уши горячели от стыда, я мысленно себя ругала – он же освободил из плена, предлагает справедливую месть, а я вроде как недовольна.

Я едва заметно повернула голову и шевельнула левым ухом, чувствительный слух уловил слабое дыхание девочки, даже с такого расстояния слышу, как колотится ее сердце.

Напряжение в воздухе стало почти осязаемым. Чтобы как-то его ослабить, я выбралась из камеры, обойдя истукана, и подошла к белокожему.

Воин молчит и неотрывно следит за каждым движением. Взгляд строгий, непонимающий, но без враждебности.

В голове зашумело, к горлу подступил комок, будто жабу проглотила. Я быстро оглядела себя и сокрушенно опустила голову – выгляжу жалко перед высокородным эльфом. Немытая, полуголая, с длинной паклей на голове и ободранными плечами. Хотя белокожий деликатен и учтив, словно специально не замечает моего непотребного вида.

Я сделала глубокий вдох и выдала все как на духу. Рассказала, как очнулась под палящим солнцем, как лечила кожу чудодейственной травой. Про то, как попала в плен к людям, полагая, что смогу найти помощь.

Лисгард внимательно слушал, пока в красках рассказывала о незатейливых приключениях. Когда закончила, он задумался на несколько секунд.

Я ждала его ответа, как приговора. Белокожий смотрел куда-то вниз. Глаза такие, словно не в подвале людской деревни стоит, а где-то в заоблачных далях созерцает великое.

Наконец, он поднял голову, затем сделал шаг ко мне и внимательно взгляделся в лицо. Взгляд на мгновение остановился на ушах, потом он отступил к лестнице и сдвинул брови.

– Думал, показалось, – смутился он. – Ваша кожа...

– Серая, – закончила я.

Снова повисло звенящее молчание, такое густое, что голова тяжелеет. Синеглазый нахмурился и задумчиво потер пальцами подбородок. Послышалось тихое сухое шуршание, похожее на шелест листьев. Затем он выпрямился, подняв голову, в глазах блеснула решительность.

– Миледи, я уверен, мы сможем все выяснить, – поговорил он. – Следуйте за мной, обещаю вам личную защиту и безопасность.

Белоухий протянул ладонь и выжидательно замер, тараща глаза в темноте.

Я насторожилась, уши дернулись и выпрямились столбиками.

– Куда это? – спросила я вкрадчиво.

– Туда, где вас никто не посадит в клетку, – сказал Лисгард.

Он чуть наклонил голову и указал на ладонь, которую все еще держит вытянутой.

Я поспешно схватилась. С придворным этикетом плохо знакома, во всяком случае – не помню. Пальцы Лисгарда оказались прохладными и мягкими, как шелк. Едва сдержалась, чтобы не спросить, почему от постоянных тренировок у него на руках нет грубых мозолей. Но тут же решила, они только на людских лапах появляются. У тех и лица похожи на печеные яблоки, и руки – вообще деревянные лопаты.

От высокородного веет уверенностью и силой. Видно – привык отдавать приказы и получать все по первому требованию. У такого и отряд должен быть, и целый сарафан слуг.

Белокожий осторожно, но крепко сжал ладонь и быстро повел к выходу.

С улицы тянет горячим воздухом, человеческая вонь перемешалась с чем-то терпким. Покосившись на синеглазого, я потянула воздух. Ноздри защекотало уже знакомым древесным запахом вперемешку с чем-то сладким. Наконец дошло – это общий запах высокородных.

Звуки борьбы почти стихли, слышны лишь резкие приказы и топот копыт.

Лисгард спросил на ходу:

– Здесь больше никого нет?

Я украдкой глянула на кучу мешков. Запах девочки перемешался с сыростью и вонью старой картошки. Даже я с трудом отличила его в замысловатом коктейле. На судьбу человеческого ребенка в целом плевать. Не мое дело – куда ей идти и где прятаться.

Белокожий оглянулся и вопросительно посмотрел в глаза.

Девочка вырастет, будет ненавидеть эльфов, как ее родители. Станет рассказывать своим детям, как войска лесных демонов опустошали деревни, уводили в плен людей. Поселит в маленьких сердцах ненависть и ужас перед эльфийским народом. Или же запомнит, что, однажды плененная, эльфийка ее не выдала.

Я подняла голову и честно взглянула на Лисгарда.

– Нет. Здесь больше никого нет, – сказала я.

Белокожий удовлетворенно выдохнул и потащил меня наверх.

– Голем! Отправляйся к остальным! – крикнул он.

Мы выбежали наружу, дневной свет опять ослепил, из глаз потекли слезы, пришлось их быстро вытирать, чтобы никто не заметил.

Я прищурилась и быстро-быстро заморгала. Через секунду зрение вернулось, и я увидела странную картину.

На площади толпится группка юнцов, рубахи распахнуты, на лицах ужас. Руки закованы в кандалы, цепи соединяют пленников между собой и придавливают к земле. Похожи на праздничные гирлянды, только из-за женских воплей праздником тут не пахнет. Эльфы вытаскивают пареньков из домов и бесцеремонно тащат по лестницам. Те бессильно дрыгают ногами и вопят, как бабы.

– Что происходит? – спросила я осторожно.

Белоснежные волосы воина картинно развеваются на ветру, острый подбородок торчит вперед. Даже засмотрелась – красивый до неприличия.

Он сказал с достоинством:

– Дежурный рейд по человеческим деревьям.

Я замедлила шаг. Белокожему тоже пришлось притормозить – все еще держит мою ладонь Он серьезно посмотрел в глаза и нахмурился.

Мне остается только надувать губы и хлопать ресницами, всем видом показывая – я вообще не знаю, что тут у вас и как.

– Традиция, – пояснил он, смягчаясь. – Периодически мы совершаем вылазки на поселения и забираем подросший молодняк.

– Но зачем? – изумилась я.

Высокородный терпеливо продолжил:

– В Черных рудниках гномы добывают адамантин. Это звездный металл, из которого мы делаем оружие и доспехи. По древнему договору они обязуются снабжать эльфов звездным металлом в обмен на людей. Черные рудники – суровое место, а гномы не гнушаются дешевой рабочей силой.

Я сделала вид, что поняла, кивнула для убедительности.

Гномы, рудники, звездный металл. Голова пошла кругом, пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы как-то утрамбовать новое.

Лисгард сложил пальцы и свистнул. Откуда-то донеслось дикое ржание, земля затряслась от гулкого топота. Через секунду из-за сарая выбежал белый конь с блестящим рогом на лбу. Гарцуя, он подскакал и остановился прямо перед нами. Сияющая грива свисает почти до земли, глаза – как рубины, из ноздрей пар.

– Что это? – проговорила я зачарованно.

Эльф подошел к зверю и тихонько хлопнул по белому боку.

– Арум. Боевой товарищ.

Он провел рукой по короткой шерсти, зверь выгнул шею и преданно посмотрел на эльфа.

– Миледи, позвольте, помогу сесть верхом, – предложил Лисгард.

Я с сомнением посмотрела на сцепленные замком пальцы под брюхом Арума. Тот искоса поглядывает на меня красным глазом.

Подняв подбородок, я сделала вид, что совсем не страшно, вот нисколько. Это всего лишь рогатая лошадь, а лошадей бояться – пешком ходить.

Упервшись босой ногой в ладони Лисгарда, я взлетела на зверя. Хотя вполне могу обойтись без помощи.

Короткая юбка задралась, неприлично обнажая бедра. Попыталась оттянуть края вниз – не вышло, только ткань перекосилась. Несколько секунд я возилась с краями, но юбка только перекашивалась и совсем не соглашалась прикрывать ноги. В конце концов махнула рукой. Пускай смотрит, ноги у меня красивые.

За спиной слышалось легкое шуршание. Обернулась – белокожий уже сидит за спиной. Он деликатно отодвинул меня, делая вид, что не заметил голых ног. Прядь гривы оказалась у него в ладони.

Белокожий что-то процокал языком, Арум заржал и резко развернулся. Через несколько мгновений отряд белокожих остался позади.

Глава 4

Мы неслись сквозь лес, виртуозно огибая тоненькие деревья. Я даже не пыталась понять, как Арум успевает уворачиваться. Если налетит – переломит, как соломинку.

Через некоторое время выскочили на хорошо утоптанную тропу. Когда лес стал плотнее, белокожий потянул за гриву, единорог мотнул головой и пошел шагом. Изредка косится красным глазом на хозяина – зверь не понимает, почему на него двойной вес водрузили.

Я надежно устроилась в объятиях белокожего и прикрыла глаза. В голове предательски пусто. Как ни силюсь, память молчит, словно эльф на допросе.

Ощущение глубокой потери засвербело в районе солнечного сплетения. Захотелось вспомнить хотя бы рожу того, кто бросил меня в пустыне.

Я напряглась, локти задрожали, Лисгард заметил, но промолчал, только поерзал немного. В голове все такая же девственная чистота, как и в момент пробуждения. Досадно выдохнув, я покачала головой.

За спиной слышно легкое дыхание. Глянула через плечо – синие глаза смотрят прямо, подбородок вздернут, волосы легонько колыхнутся. На лице непробиваемая одухотворенность.

Лисгард свесился с единорога, пальцы на ходу сорвали ветку с ягодами, он протянул мне. Я молча покачала головой – помню их гадкий привкус.

Белокожий поднес ладонь ко рту.

– Вас, вероятно, интересует, куда мы едем, – предположил белокожий.

Теплые бока Арума ритмично трутся о ноги. Я тяжело вдохнула – пора приходить в себя. Лесной воздух пропитан запахом листвы и перегноя, такой густой, даже привкус чувствую. Самое время успокоиться и наладить контакт.

Интересует... подумала я. Меня много что интересует. Например, как вернуть память. И какая тварь хотела убить. Дайте только добраться до этого мерзавца – собственными руками задушу. Нет, отрублю голову, чтоб наверняка.

Белокожий одним движением отправил ягоды в рот и проглотил, кажется, не жуя. На лице появилась удовлетворенная улыбка, он довольно причмокнул.

Справа жужжало. Пришлось податься вперед, чтобы уклониться от жука. Сверкающий панцирь с тяжелым жужжанием пронесся над ухом и скрылся в деревьях.

– Очень интересует, – бросила я через плечо.

Высокородный зачем-то прочистил горло, послышалось шуршание доспехов. Он выпрямился, дыхание участилось, наверное, одухотворенность распирает.

Лисгард поерзал за спиной, несколько мгновений молчал, затем пришпорил единорога. Меня подкинуло несколько раз, прежде чем смогла приноровиться к быстрой рыси. Зверь недовольно покосился на меня рубиновым оком, показалось, даже губами пошлепал. Я извиняюще улыбнулась в ответ и пожала плечами.

– Миледи, мы направляемся в Эолум, – проговорил высокородный величественно.

Я обернулась и вопросительно глянула на него.

– Это что-то известное? – спросила я.

Глаза Лисгарда округлились.

– Вообще-то да, – ответил он.

– Не надо на меня так смотреть, – пробурчала я. – Я память потеряла. Может, раньше помнила про твой Эолум. А теперь не помню.

Лисгард подождал еще пару мгновений, затем горестно вздохнул.

– Миледи, Эолум – древний город солнечных эльфов в глубине Светлолесья, – проговорил он с расстановкой. – Попасть в него можно, лишь пройдя через Незримые врата.

– Ага, ясно, – кивнула я.

Эльф бросил подозрительный взгляд, но сделал вид, что не заметил издевки.

Копыта единорога размеренно стучат по утоптанной тропе, зеленые ветки нависли над самой головой. Поначалу порывалась наклоняться, чтобы не задеть, но те сами поднимаются и пропускают вперед.

Я покосилась на ветки и потеряла кончик уха.

– Ощущение, что деревья нас пропускают.

Лисгард хмыкнул, перебирая пальцами локон единорога.

– Солнечные эльфы и Светлолесье – единый организм, – важно заметил высокородный. – Наши судьбы связаны с тех пор, как выросло первое дерево. Мы чувствуем лес, а он нас. Люди сюда не ходят. Знают – мы наблюдаем. Стоит чужаку оказаться на нашей территории – это станет известно каждому эльфу Эолума.

Я зябко повела плечами и спросила настороженно:

– Значит, в Эолуме уже знают о нашем приближении?

Лисгард покачал головой.

– Только о вашем, и то очень смутно. Из-за Арума. Единороги подавляют магические потоки. Друг за другом следить не можем. Это похоже на... – эльф помедлил, подбирая слова, – на боль. Не чувствуешь, пока в ногу стрела не воткнется.

Я облегченно выдохнула и расслабила плечи. От постоянного напряжения шея и спина затекли. Но дышать стало легче, особенно после того, как покинула людскую деревню.

Сдвинув лопатки, я попыталась размяться, сзади послышалось предупредительное покашливание. Пришлось снова неподвижно застыть, шевеля лишь бедрами в такт движения единорога.

Деревья пошли гуще, кроны переплелись где-то вверху, свет еле пробивается сквозь зеленую крышу. Тропа исчезла. Арум шагает по пояс в траве, хватая зубами сочные стебли, и косится назад красным глазом.

В зарослях послышалось дивное пение. Я даже приподнялась на спине единорога, прислушиваясь к голосу. Будто не птица, а серебряные струны играют.

Снова послышалось покашливание Лисгарда, в этот раз хрипловатое и смущенное. Я опустила взгляд и поняла: в таком положении ноги оголяются настолько, что юбка превращается в пояс. Пришлось сесть.

По телу растеклось дремотное блаженство. Я обмякла и прислонилась спиной к прохладным доспехам эльфа.

– Чудесное пение, – проговорила я, прикрыв глаза. – Как хорошо и спокойно.

Лисгард чуть наклонился, осторожно заглянул в лицо.

– Хм. Пение? Хм. Это Арфолин, птица Эолума, – сказал он и сдвинул брови.

– Волшебная музыка, – проговорила я блаженно. – Как природа создает такое? Даже имя у птицы зачарованное.

Я представила, как она качается на тонкой ветке. Перья разноцветные, пушистый хохолок колышется, пышный хвост свисает до самой земли.

Белокожий снова посмотрел на меня.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он настороженно.

В голове растекаясь сладкий туман, на глаза опустилась мутная поволока. Арфолин будто нарочно запел громче, остальные птицы благоговейно замолкли. Почти вижу, как втянули пернатые головы и тарашатся на чудо-птицу.

В животе потеплело, захотелось остановиться, прилечь в такую уютную и мягкую траву.

– Никогда ничего приятнее не испытывала, – протянула я. – Только спать хочется очень.

Глаза Лисгарда превратились в две круглые плоскости, лицо вытянулось. Он дернул гриву и остановил Арума. Единорог недовольно фыркнул, копыта глухо стукнулись, вспугнув в зарослях двух перепелок. Зверь сделал еще пару шагов и замер посреди травы, недобро покачивая рогом.

Белокожий бесцеремонно развернул меня к себе и вперился взглядом. Глаза полыхают, как два синих костра, лоб покрылся тонкими морщинами.

– Миледи, вас усыпляет мелодия? – проговорил он с нажимом.

Голова приятно потяжелела, перед глазами поплыли розовые единороги, окутанные золотистыми огоньками. Даже уловила сладковатый запах сирени.

– Не знаю, может, и не усыпляет, – промямлила я. – Приятно, нет слов. Я нарушила какой-то закон?

Высокородный побелел, хотя с его белоснежной кожей непонятно, куда сильнее, и впился пальцами мне в плечи.

– Закон? – процедил Лисгард. – Миледи, крепко же вас приложили.

Арум недовольно топчется, фыркает. На его месте я бы тоже фыркала, с таким хозяином калина покажется сладкой.

Я отмахнулась от него, как от назойливой мухи, и проговорила медленно:

– Чего ты взбеленился? Птичка поет, ветер дует, трава зеленая.

Горячее дыхание обдало лицо.

– Слушайте, миледи, – сказал белокожий, наклонившись так близко, что разглядела золотистые черточки в зрачках. – Для солнечных эльфов Арфолин безвреден. Но темных он усыпляет. У людей вызывает временное безумие, а остальные мучаются головной болью. Еще раз спрашиваю – вы хотите спать?

Он даже задрожал. Ноздри раздуваются, пальцы впелись так, что сейчас плечи мне раздавит. Откуда-то из глубины медленно поползла горячая волна. Она, словно змея, двинулась замысловатыми зигзагами вверх по животу, когда достигла солнечного сплетения, меня дернуло. По коже пробежали мурашки.

Я раздраженно дернула плечами, цепкие пальцы разжались. Горячая волна расплзлась по всему телу, и сонливость быстро отступила. Легкий ветерок спустился с верхушек деревьев прохладными струйками и прояснил мысли.

– Ну знаешь ли! От людей еще можно ожидать скудоумия. Но ты всех переплюнул! – прошипела я и толкнула белоухого локтем в закованную грудь. – Пусти, пешком пойду! Или не пойду. Если в Эолуме все такие ненормальные – мне нечего там делать.

Высокородный вытаращил глаза и громко сглотнул.

– М... миледи? Вы серьезно? – выдавил он.

Я попыталась отодвинуться дальше, ерзая на спине Арума. Единорог нервно захрапел и стал топтать высокую траву. Прилив гнева пришел неожиданно, в теле появилась бодрость, словно не было ализаринового плена и песен магической птицы.

Сказала зло:

– Куда уж серьезней. Это же не тебя с утра пытаются поджарить на солнце, ошпарить железом и разрезать на куски.

– Вы забываетесь, – грозно произнес высокородный.

От этих слов волна гнева стала еще горячее. Я хищно прищурилась и прошипела ему в лицо:

– Мессир Лисгард, или как там нужно обращаться, определись – ты помогаешь или нет. Если нет, оставь тут и иди своей дорогой. Мне не нужны одолжения. За спасение спасибо. Но на этом все. Или я пленница?

Высокородный эльф поморгал синими, как глубокое море, глазами, пальцы снова сжались на плече, кожа отозвалась тупой болью. Я с вызовом уставилась на него и проговорила сквозь зубы:

– Если что, мне больно.

– Эльфы терпят боль, – озадаченно произнес высокородный.

– О, да, – язвительно ответила я. – Тебе напомнить, сколько с утра вытерпела?

Лисгард еще несколько секунд продавливал мне кожу, затем нехотя разжал пальцы.

– Вы точно больше не чувствуете сонливости, приятного расслабления и дурмана? – спросил он.

Я оттопырила уши и проговорила:

– Ты издеваешься? Не чувствую я ничего. То было временное помутнение. Доволен? Хотя нет. Если влеплю тебе оплеуху, то почувствую, знаешь, что? Удовольствие. Я почувствую удовольствие!

Белоухий с минуту нервно пыхтел, уши хлопают, пальцы тихо барабанили по бедру. Он развернул меня лицом вперед, я облегченно выдохнула и поерзала на спине единорога.

– Разумеется, вы не пленница, – проговорил он и придвинулся ближе.

Лисгард взял локон гривы, поклацал языком, Арум со вздохом облегчения двинулся в самую гущу зарослей. Из нас троих он единственный, кому наплевать на разборки между эльфами. Главное, чтобы трава была сочной и мухи не кусали.

Едем молча. Лисгард тяжело сопит, буквально слышу, как шевелятся мысли в белоухой голове.

Арфолин сыпет переливами на разные лады. Серебряные струны плавно перекачиваются под невидимыми пальцами, звук волшебным туманом растекается по воздуху. Лес тихо шелестит, словно подпевает магической птице, ветерок в верхушках свистит, качая ветками.

Белокожий неуверенно кашлянул в самое ухо, я нервно дернула кончиком и вытянулась.

Он немного помедлил, что-то еле слышно пробубнил под нос. Затем сделал глубокий вдох и начал:

– Миледи, прошу простить меня за резкость. Дело в том, что... Гм. В Великом разломе живут темные эльфы. Мы не видели их уже пять тысяч лет. Но защиту снимать не стали. Песни Арфолина заставляют их впадать в глубокий сон. Вывести из него может только ледяное молоко. Когда вы... Вы сказали, что хотите спать... Вы понимаете, что я подумал?

Я поерзала на теплой спине Арума, гладкая шкура приятно потерлась о кожу.

– Конечно, – сказала я с напускным спокойствием. – Я темный эльф, которого послали уничтожить твой город, разнести в щепки ворота и не оставить камня на камне. Что там еще полагается темным делать?

– Всякое, – хмыкнул он.

– Посмотри на меня, – продолжала я. – У меня хоть оружие должно быть. Но где оно спрятано? На, обыщи.

Я демонстративно растопырила руки и выпрямилась, Лисгард шумно сглотнул. Покосилась назад, краем глаза увидела, как зазелели кончики ушей.

Он чуть наклонился к уху и неуверенно проговорил:

– Миледи, позвольте...

Жирная сирфида налетела, как ураган, и попыталась приземлиться мне на лицо. Я замахала руками и отклонилась в сторону, муха только раззадорилась и принялась кружить перед носом. Потом зависла на пару секунд и опустилась на гриву единорогу.

Я сердито посмотрела на сирфиду, мысленно пообещав прихлопнуть, если не уберется. Муха будто поняла. Она неспешно развернулась, прозрачные крылышки затрепетали, как паутинка. Сирфида зажужжала и вальяжно улетела.

– Какая миледи? – бросила я через плечо. – Сейчас больше на лешего похожа, чем на эльфийку.

Для пущей убедительности вскочила волосы, пыль с них поднялась небольшим облачком и осела на белокожем. Он демонстративно прокашлялся и замолчал.

Я прислушалась – сопит и хлопает ушами. Хотела сказать что-нибудь извинительное, но решила, что поздно. Пришлось выпрямить спину и делать вид, что очень занята разглядыванием местной растительности.

Проехали около получаса. Спиной чувствую, как Лисгард усиленно пытается найти тему для разговора, аж мурашки по позвоночнику бегают. Но пока не получается, и молчание нарушает только лес.

Ветерок шумит в кронах, иногда срывает ослабевшие листья и гоняет по воздуху. Арфолин поет серенаду на разные лады, похоже, их тут целая стая, или, может, это один и тот же перелетает с ветки на ветку.

Сквозь шум леса уловила едва заметное плескание, механически сглотнула. Уши сами зашевелились, стараясь настроиться на правильную волну. Во рту давно пересохло, еще в деревне хотелось пить, а когда посадили в ализариновую клетку, вообще поплохело.

– Надо остановиться у реки, – сказала я осипшим голосом.

Белокожий странно посмотрел на меня.

– Откуда вам известно? – спросил он.

– Что известно?

– Про реку, миледи.

– Да слышно же! – изумилась я и всплеснула руками. – Прислушайся.

Высокородный вытянулся, корпус отклонился назад, уши встали торчком и зашевелились, как у зайца.

– Хм... Эта река слишком далеко, чтобы слышать, – проговорил он настороженно.

Я раздраженно заметила:

– Или кто-то страдает тугоухостью.

– Вы на меня намекаете?

– А здесь есть еще кто-то? – поинтересовалась я.

За спиной послышалось недовольное ворчание, высокородный проговорил:

– У меня хороший слух. Как у всех эльфов.

Я всплеснула руками и простонала:

– Вместо того чтобы утолять жажду, мы занимаемся пустым трёпом.

Лисгард окинул меня недоверчивым взглядом, но повернул Арума и направил сквозь высокие кусты.

Единорог, как таран, с хрустом попер через заросли, топча широкими копытами норы. Белоснежные зубы зверя с шелестом срывают листья, он довольно жует и кивает головой.

Белокожий молчит, не понятно, о чем думает.

Спустя еще полчаса вышли к невысокому обрыву. Река плавно журчит, поток изгибается в излучинах, собираясь пушистой пеной на валунах. По краям разрослась осока. Деревья опускают ветки к самой воде, тихо шлепая листьями. Частое кваканье доносится откуда-то из запруд.

Жабы умные – специально попрыгали в зарослях, чтоб цапли не нашли. Зато мелкая мошкара роится над самой серединой реки. Тоже разумный выбор, там свободно от кувшинок и лягушки не достают.

Я привстала на единороге и сказала:

– Дай мне слезть.

Лисгард спешился, помог мне опуститься на землю, хотя все больше убеждаюсь, что это лишнее.

Я одернула юбку, немного потопталась в траве, мягкие стебли приятно защекотали стопы. Затем подошла к склону и сползла к воде. На песчаном берегу тонкая серебристая кромка, от нее пахнет елками и магией.

Шагнув вперед, я опустилась на колени. Из воды на меня глянуло правильное личико с желтыми глазами, темными чувственными губами и аккуратным носиком.

Опустила пальцы в воду, по поверхности пошла мелкая рябь. Секунду наслаждалась приятной прохладой, затем несколько раз зачерпнула.

Свежесть растекалась по внутренностям и буквально опьянила. Я закрыла глаза и простояла так, наверное, минуту. Рядом мерно журчит, деревья шелестят.

– Мать небесная, – прошептала я. – Как хорошо.

Сзади послышалось громыхание, обернулась – Лисгард с красными, как спелая земляника, ушами пялится на мою спину и нелепо елозит ладонями по доспехам, делает вид, что отряхивает. Обрыв скрывает половину туловища, иначе неизвестно, на что еще пришлось бы смотреть высокородному.

Заметил, что я наблюдаю, и перестал шуршать, голос прозвучал хрипло:

– Я буду здесь... недалеко.

Он погладил Арума по блестящему боку и поспешно скрылся в зарослях.

Глава 5

Я выпрямилась, осторожно шагнула вперед, ногу щекотнуло мокрой прохладой. От плеска голова стала легкой, мысли потекли плавно и просто. Мимо прожужжала муха, из запруды донеслось хлюпанье и довольный квак.

Попыталась снова вспомнить хоть что-нибудь – может, бестолковый рой мыслей наконец выстроится в упорядоченные ряды. Подождала секунду – ничего.

Слева за выступом раздался всплеск. Я настороженно подняла уши и отступила на песок. Тихое хлюпанье незаметно вплетается в общий шелест леса, если бы не странная прерывистость – не обратила бы внимания.

Подкравшись к выступу, я выглянула из-за валуна. Река изгибается широкой излучиной, кое-где видны небольшие завихрения. Выглядят вполне безобидно, но это только на первый взгляд. Если попасть в такой бурунчик – утянет под воду, протащит по самому дну и выкинет где-нибудь внизу течения.

Чтобы выбраться на крохотный пляж, пришлось отодвинуть нависающие над водой ветки. Песок под ногами белесый и настолько мелкий, что похож на пыль.

Всплески повторились, я гляделась в воду. Ближе к середине реки вода пузырится, периодически мелькает седая макушка.

Я отступила назад – не мое дело, тонет, значит, сам виноват. Зачем лезть в воду, если не умеешь плавать. Тем более в середине излучины просто так не оказываются.

Чего он даже руками не гребет? Только головой сверкает.

Злясь на себя за мягкосердечность, подбежала к воде, обхватила вокруг пояса свисающую с ветки лиану и кинулась в реку.

Течение моментально отнесло в сторону, седая макушка осталась позади. Я выругалась вслух, вода тут же залилась в рот. Отплевываясь от ряски, подтянулась на лиане и выбралась на берег.

Утопающий все еще пускает пузыри – живой, значит.

– Держись. Я сейчас, – прошептала я, сдувая с носа холодную каплю.

Отбежав по берегу против течения, я снова вошла в воду. На этот раз осторожно, стараясь удержаться на ногах. В конце концов, меня сбило, но успела поравняться с седой макушкой и схватить за волосы.

Дернула на себя, из воды показалось старческое лицо. Попыталась тянуть, но тело не сдвинулось с места, словно его за ноги кто-то держит.

Пришлось набрать побольше воздуха и нырнуть.

В водяной линзе картинка расплылась, фигуры превратились в мутные пятна. Я вцепилась в скользкие водоросли, чтобы снова не уплыть с течением. Среди песчаной взвеси разглядела опутанные веревкой ноги. Другой конец привязан к крупному куску сияющего металла. Руки стянуты за спиной, длинная борода плавает в толще воды, как лохматая рыба.

Борясь с течением, мне удалось подплыть к ногам старика. Долго возилась с узлом.

Пока ковырялась, молилась, чтоб дед не помер. Зря я, что ли, тут подводным плаванием занимаюсь?

Наконец удалось развязать веревку. Чтобы всплыть, пришлось грести за двоих; когда голова оказалась на поверхности, я потащила потерявшего сознание старика к берегу.

На одной руке подтягиваться трудно, тело тяжелое от воды, но чувствую, что живой.

Я кое-как вылезла, спотыкаясь о камни, вытянула утопленника на песок. Дед раскинул руки и лежит, словно отдал душу богам.

– А ну оживай! – прорычала я тихо. – Я жизнью рисковала, между прочим.

Опустившись на колено, я быстро перекинула старика через него. Секунду он не двинулся, потом содрогнулся, изо рта с хриплым кашлем полилась вода. Я несколько секунд стучала его по спине, пока не перестал кашлять водорослями. Затем перевернула обратно и облокотила на замшелый валун.

Когда развязывала руки, старец открыл глаза. В мутных радужках желтые точки, лицо измождено и изъедено мелкими морщинами. Мокрая борода толстым кольцом свернулась на коленях. С балахона стекают ручьи, ткань облепила тщедушное тело, даже кости сквозь материю проступают. Только теперь дошло – он человек.

– Вот дрянь! – вырвалось у меня.

Резким движением я сорвала с пояса лиану, запрыгнула на камень и замерла, готовая к неожиданностям.

Старик застонал, повернулся на бок. Мелкий песок налип на одежду, делая его похожим на обсыпанного мукой перепела. Затем подтянулся и оперся головой на мшистый камень.

– Спасибо, – проговорил он треснувшим голосом.

Благодарностей от людей я еще не слышала. Поэтому лишь чуть подалась вперед. Старик агрессии не выражал, поэтому через пару мгновений я решилась соскользнуть с камня, но остановилась все же на почтительном расстоянии.

С обрыва налетел легкий ветерок и обсыпал земляной пылью. А я только собралась обрадоваться, что наконец смыла грязь. Стою, как истукан, покрытая тонким матовым слоем. На серой коже незаметно, но неприятно.

Старик провел ладонью по лицу, смахнул остатки воды и протер глаза двумя пальцами.

– Ты кто такой? – спросила я настороженно.

Дед закричал, выжимая бороду обеими руками. Из толстого жгута волос зажурчала мутная струйка, образуя в песке небольшое углубление.

Из воды вылезла жирная жаба, уселась на мокрый лист и уставилась на нас немигающими глазами.

– Чародей, – ответил он еле слышно.

Я ойкнула, чародей попытался улыбнуться, но изможденное лицо лишь слабо скривилось. Сердце застучало чаще, я нервно сглотнула и огляделась в поисках чего-то, что может сойти за оружие.

Рядом с земляной стеной обнаружила кучу веток. Не алмантиновый меч, конечно, но лучше, чем ничего.

Я быстро прикинула, как очутиться рядом с кучей, когда старик начнет пускать огонь из рук.

Он проследил за моим взглядом.

– Если бы мог сопротивляться, – успокоил он, – не оказался бы посреди реки с пудом на ногах.

Я подозрительно прищурилась. Боевой маг скорее погибнет, чем позволит бросить себя на корм рыбам.

Озарение блеснуло радужной вспышкой. В груди застучало еще чаще, пришлось сделать глубокий вдох, да так, чтобы старик не заметил.

Я откинула ветку, которая под напором ветерка лезет в лицо, и спросила:

– Чародей? Значит, высшей магией владеешь?

Старик потер нос мокрым рукавом и уронил голову на грудь.

– Владею... – угрюмо проговорил он.

Я осмелела и шагнула ближе.

– Как же вышло, что могучий чародей чуть не утонул?

Дед горько усмехнулся, старческое лицо скривилось, морщины прорисовались сильнее.

– Солнечные эльфы постарались, – сказал он с сожалением.

Я покосилась на заросли обрыва, где с единорогом ковыряется белокожий, и проговорила вкрадчиво:

– А меня, значит, не боишься?

– Я же не слепой, – сказал он, шмыгнув носом. – Ты другая.

– Другая, – согласилась я. – Не солнечная ни капли, но злая и потерянная.

Он окинул меня усталым взглядом, зрачки расширились настолько, что кажется – там по маленькой бездне. Старик что-то пробормотал, так тихо, что даже я со своим эльфийским слухом не разобрала.

Боясь, что он очухается и шарахнет магией, я постаралась придать лицу невозмутимый вид, словно контролирую ситуацию. Затем потерла пальцами подбородок и проговорила задумчиво:

– Вообще-то на берегу за кустами сидит один такой, солнечный. Меня ждет.

Чародей вжался в камень, старческое лицо в ужасе вытянулось. Он зажал песок в кулаке и поджал колени.

– Прошу, не говори ему обо мне, – заговорил он быстрым шепотом. – Солнечные эльфы не любят людей. А чародеев вообще ненавидят. Я попал к ним из-за беспечности и чуть не заплатил жизнью.

Взгляд старика стал умоляющим и жалким, я еще раз оглядела его и выдохнула. Он на ногах не стоит, худющий – в чем только душа держится, руки трясутся. Даже не все зубы на месте. Может, раньше он и был великим чародеем, но сейчас передо мной обычный старец с больными суставами и выпадающими волосами.

– Хорошо, не скажу, – согласилась я деловито. – Могу рассчитывать на небольшую плату за твое, можно сказать, двойное спасение?

Чародей покорно кивнул, я продолжила:

– Мне известно, чародеи способны творить чудеса.

Я послала ему испытующий взгляд, старик снова кивнул мокрой головой. На лице озадаченность, глазные яблоки покраснели от долгого пребывания под водой.

– Я потеряла память, – сказала я коротко. – Верни ее.

Старик нервно сглотнул, голова стукнулась о мох, будто проверила – действительно это его голова или, может, чья-то еще. Он скривился. Лицо приобрело здоровый цвет, борода как-то незаметно высохла и распушилась, балахон тоже просох и свободно повис на костлявом теле.

Чародей покачал головой:

– Не могу.

Я мысленно выругалась на себя – ну конечно, чего и следовало ожидать. Внутри все закипело, но проговорила все так же плавно, с расстановкой:

– Тогда, может, все-таки позвать солнечного эльфа? Уверена, вы найдете, о чем потолковать.

Чародей загреб ногами песок, попытался отодвинуться, в серых глазах мелькнула паника и обреченность.

– Нет, ты не поняла, желтоглазая, – поспешно проговорил он. – Я не отказываюсь. Просто ничего не вижу. Обычно у эльфов в середине солнечного сплетения цветной огонек. У солнечных – желтый, у темных – фиолетовый, у лесных – зеленоватый. А ты словно непроглядная пучина.

Надежда на то, что он взмахнет рукой, осыплет серебряной пылью и я вспомню все, рухнула, как песчаный замок. Я горько усмехнулась про себя – непроглядная пучина. То ли еще будет, серая эльфийка...

Длинный лист упал с дерева и опустился на плечо. Я смахнула небрежно и приготовилась уйти, пускай дальше сам разбирается со своими делами.

Чародей поднапрягся, жилистые ладони уперлись в камень, он поднялся на ноги и выпрямился. Облик изменился на глазах – волосы и борода распрямились, засветились приятной сединой.

Темно-коричневый балахон раздулся от ветра, края подрагивают, как крылья. Глаза прояснились, в серых радужках заблестели золотые вкрапления.

Морщинистое лицо разгладилось, он сказал пободревшим голосом:

– Погоди. Есть кое-что.

Я остановилась вполборота и вопросительно посмотрела на старца. Тот отряхнул балахон и шагнул навстречу, песок хрустнул под сапогами.

Он нервно огляделся и наклонил голову.

– Хотел сохранить в тайне, – прошептал старец, – но... ты спасла меня. А я не люблю быть должником. Так вот слушай: через три дня на Забытую гору упадет Золотой Талисман. Это не просто безделушка, нет. В сердце вещицы кроется первородная магия, дарующая силу и могущество. Талисман сможет вернуть память. Но помни, не одной тебе он нужен. Безумный маг не дремлет.

Из-за кустов раздался обеспокоенный голос Лисгарда:

– Миледи, с вами все в порядке? Прошло много времени, нам пора ехать.

Чародей напряженно замер, вкопав ноги в песок по самые щиколотки, в глазах сверкнули золотые отблески. Наверное, одна часть его все еще разговаривает со мной, а другая уже зрит неведомые миры, где обитают лишь боги.

Новый порыв ветра зашевелил ветки, раздул бороду чародея. Вид у него теперь внушительный, даже мурашки по коже. Взгляд прямой, смотрит выжидательно.

Я прокричала через плечо:

– Все нормально. Мне еще пару минут нужно. Не подходи, я не одета.

Из зарослей послышалось смущенное бурчание и фырканье Арума.

– А как туда... – начала я, поворачиваясь к чародею.

Старец вскинул руки и что-то прошептал одними губами. Его охватило синеватое свечение, фигура медленно расплылась в воздухе.

Я крикнула:

– Подожди! Где это место? Где Забытая гора?

Пятно, которое секунду назад было чародеем, превратилось в бледное облачко и медленно поплыло вверх сквозь ветки деревьев.

– Сквозь Чумнолесье на восток, – донесся затихающий голос.

Затем облачко вспыхнуло и растворилось в воздухе.

Я оторопело замерла, прижав ладони к щекам. Чародей быстро восстановился и убрался от греха подальше, чтобы, не приведи боги, не столкнуться с моим солнечным другом.

Надо отдать должное – он оказался куда порядочнее людей, которых повстречала в деревне.

Взбудораженные мысли забегали, как тараканы. Я хлопнула по лбу, чтоб как-то заставить их успокоиться. К моему удивлению, в голове сразу посветлело.

Я опустила взгляд – на листе все еще сидит жаба и смотрит, как дергаю ушами. Невольная свидетельница беседы с чародеем. Но это ничего, жаба никому не расскажет.

Забравшись по обрыву, я быстро осмотрела себя – как всегда полуголая и грязная. Попыталась отряхнуть плотную пыль, но больше размазала. Я досадно вздохнула, затем подошла к кустам и раздвинула ветки.

На поляне стоит Лисгард, любовно гладит единорога по довольной морде. Тот кивает и тыкается носом, мол, гладь еще, мне нравится.

Несколько секунд пришлось прятаться в кустах, чтобы успокоить дерганье в пальцах. Если высокородный заметит напряжение, мне придется отвечать на поток глупых вопросов. Ему же не объяснить, что остаться в живых после встречи с чародеем, еще и получить шанс вернуть память – многого стоит.

Я шагнула из кустов и подошла к белокожему. Мокрая насквозь юбка и кусок ткани на груди противно прилипают к телу. Ветерок щекочет влажную кожу, аж мурашки бегают.

Лисгард обернулся, локон гривы выскользнул из ладони, он вытаращил глаза.

Я развела руки и пробормотала:

– Свалилась в воду.

Белокожий подозрительно хмыкнул, но смолчал.

Пока я пыталась расправить прилипшую юбку, он украдкой пялился, но всякий раз, когда поднимала взгляд, отворачивался и делал вид, что занят гривой Арума. Я кривилась и нервно дергала ушами.

Наконец, солнечный приглашающе провел ладонью по спине Арума. Он протянул руку. Я подошла, игнорируя предложение, в один прыжок взлетела на единорога. Лисгард снова хмыкнул, тут же оказался за спиной, мы снова двинулись сквозь заросли.

Мокрая юбка задралась и собралась холодными складками на бедрах. Противно, сил нет. Хочется содрать и просушить, если б не спутник – так бы и сделала. Снизу поддувает ветерок и разгоняет мурашки. Над ухом пыхтит белокожий, шумно глотает и периодически отсаживается подальше.

В голове утренней звездой сияет мысль – Забытая гора. Золотой талисман. Последняя ниточка, которая ведет к ответам. Что там чародей говорил? Безумный маг? Не важно, главное – добыть талисман, вернуть память и отправиться домой. Он у меня наверняка есть.

Лес превратился в густую чащу, стволы деревьев пошли толстые, покрытые то ли мхом, то ли каким-то зеленым налетом. Кроны сомкнулись, непроницаемый купол накрыл плотной тенью, ощущение, что сверху наблюдают огромные глаза и провожают молча.

Вокруг блаженная прохлада, даже нет – сырость. Арум цепляет брюхом кусты и недовольно фыркает, копыта беззвучно утопают в рыхлом дерне, оставляя широкие следы.

Я втянула воздух и закрыла глаза – в носу приятно защекотало от влаги. В голове замелькали картинки – вот в нескольких шагах затаилась лиса возле мышиной норы. Оттуда тянет зерном и сухой травой. Над Арфолином дремлет огромный ворон, мерно покачивается на ветке. Где-то справа, за овражком в малиннике, расселся медведь. Зверь сыт и доволен и вот-вот отвалится спать.

Впереди запахло магией. Лисгард легонько постучал по плечу, я вздрогнула и открыла глаза.

В середине опушки два огромных камня, трава закрывает монолиты почти до половины. В узком проходе между глыбами торчат плотные заросли падуба и толстоствольных берез. Ветки переплелись так плотно, что создали непроходимую стену. Гиганты густо опутаны плющом, кое-где поросли пятнами мха, делая камни похожими на сгорбившихся зеленых великанов. Суровое местечко, сразу видно – люди тут не бывали, а если бывали, то недолго.

Лисгард спрыгнул с единорога.

– Мы у Незримых врат, – сказал он важно.

Белокожий подошел к левому камню, по-хозяйски приложил руку к небольшому углублению. Нарочно и не заметишь. Затем произнес что-то. Слова показались знакомыми, но какими-то исковерканными. Что-то про солнечный источник, проход и почтение.

Послышался равномерный гул, камни покрылись голубоватым свечением, в воздух поднялись тысячи светящихся капель. Лисгард подбежал к Аруму и в один прыжок очутился верхом.

– Вперед! – скомандовал он.

Единорог колыхнул гривой и гордой рысью вбежал в проход.

Мягкий свет, как молочный туман, окутал со всех сторон и на секунду закрыл видимость. Некоторое время двигались, как показалось, наугад, хотя единорог шагал уверенно.

Когда туман рассеялся, я ахнула:

– Ничего себе!

Лисгард трепыхнул ушами и зашуршал доспехами, расправляя плечи.

– Эолум. Величественный город солнечных эльфов, – гордо проговорил он.

Перед нами раскинулась широкая, заросшая зеленью долина. Воздух наполнен головокружительными запахами растительности. Неведомые птицы радостно щебечут в тисовых зарослях, порхают с ветки на ветку небольшими стайками. В центре цирка в сияющей дымке возвышается город. Серебристые шпили, неестественно длинные, пытаются проткнуть небесную твердь. Многоярусные башни и переходы оплетены гигантским плющом и лианами. Слева от города ревет водопад, такой же огромный, как и все здесь. Сверкающие потоки срываются со скалы и с грохотом обрушиваются вниз, в воздухе остается бесконечная радуга.

Я честно призналась:

– Нет слов!

Лисгард удовлетворенно хмыкнул, вытаскивая из гривы Арума репей размером с орех.

– Вы совершенно правы, миледи, – довольно сказал он. – Этот город – центр мира, средоточие знаний и цитадель гармонии. Каждый эльф мечтает поселиться здесь. К сожалению, Эолум не в состоянии вместить всех желающих.

Я удивленно подняла бровь и обернулась:

– Значит, меня могут развернуть у ворот?

Высокородный отшатнулся и проговорил, швыряя репей в кусты:

– Вы же со мной!

Двинулись по хорошо утоптанной тропе мимо ароматных кустов жасмина. Солнечные лучи теряются где-то в плотной листве, приятная тень лежит на дороге до самой стены. Если так дальше будет продолжаться, я точно поверю в богов.

Одежда успела подсохнуть и расправиться, даже задранная юбка перестала раздражать. Прохладный ветерок ласково касается кожи, я вздрогнула и снова прижалась спиной к холодным доспехам солнечного. Он подался назад.

Единорог мерно стучит копытами, серебристая грива изредка колыхнется, то и дело цепляясь за кусты падубы. Из-под копыт вылетают цветные искры и, рассыпаясь, тают в пыли.

Я провела рукой по гладкой спине Арума, мысленно улыбнулась – красивое животное. Под лоснящейся шкурой перекачиваются тугие валики мышц, длинная грива мерно покачивается в такт шагам, на лбу сверкает остроконечный рог. Не хотела бы я встретиться в бою с таким зверем. Боковой линией чую – его красота и одухотворенность обманчивы.

Через некоторое время дорога пошла вниз, Арум замедлил шаг и стал чаще оглядываться на хозяина. Лисгард хлопает по широкой шее и что-то мягко клацает на только им понятном языке.

Я отклонилась в сторону и спросила через плечо:

– Что не так?

Из-за спины донеслось недовольное сопение.

– Арум не любит городские ворота, – нехотя проговорил Лисгард.

Я не поняла:

– Почему?

– Скоро увидите, – ответил он и потянул гриву.

Глава 6

Единорог остановился, высокородный с кошачьей ловкостью спрыгнул на землю. Сразу стало неудобно и одиноко на широкой спине скакуна. Я недовольно поежилась.

Белокожий прислонил ладонь к морде Арума, шепнул на ухо неразборчиво, единорог снова зашагал.

Не спешит что-то ничего объяснять. Хотя единорог, который боится ворот, уже насто-раживает. Да и город слишком уж пышный, вон как стены сияют. За красивым фасадом все-гда есть легкая гнильца. А может, и не легкая.

Я прочистила горло и спросила, как бы между прочим:

– Что это был за язык?

Высокородный настороженно поднял уши, показалось, что плечи расправились силь-нее, а шея вытянулась.

– Вы о чем? – сказал он, не оборачиваясь.

Хотела огрызнуться, чтоб не прикидывался, но вместо этого сделала невинные глазки и захлопала ресницами. Не важно, что не видит, все равно надо хлопать.

Ладонь легла на блестящую спину единорога, я сказала спокойно:

– Возле Незримых врат ты говорил о солнечном источнике. Это что?

Белокожий буквально подпрыгнул на ходу и опасливо покрутил головой.

– Говорите тише! – проговорил он громким шепотом.

Я наклонилась к широкой шее Арума и шепнула в ответ:

– Почему?

Лисгард быстро посмотрел на меня. Взгляд удивленный, рот приоткрылся, уши насто-роженно торчат вверх.

Он снова глянул по сторонам и сказал неуверенно:

– Крайне неосмотрительно упоминать об источнике за пределами Эолума. – Он сделал небольшую паузу и поправил клинки на поясе. – Откуда вам известен высший язык?

Я покосилась на белокожего – может, снова проверяет? Но тот выглядит действительно озадаченным и встревоженным. Пришлось пожать плечами, уверенность – самое лучшее средство убеждения.

– Понятия не имею, – призналась я. – Услышала, как ты говорил с камнем на каком-то ломаном наречии, правда, поняла только общий смысл. По-моему, ты неправильно про-износишь слова «открыться» и «свет».

Лисгард растерянно выдохнул, громко прокашлялся. Широкая ладонь скользнула по лбу и сдвинула металлический обруч. Он быстро поправил и опустил пальцы на рукоять. Думала, сейчас заорет проклятья и расчет пополам прямо на единороге. Но высокородный лишь хмыкнул и многозначительно промолчал.

Впереди показалась белая стена из крупных блоков, каменное полотно сплошным потоком растянулось в обе стороны. Кое-где густой плющ поднялся в половину высоты, но дальше не лезет, будто что-то мешает. У невидимой границы растение расплзлось парал-лельно земле и образовало длинную зеленую полосу.

Я с сомнением скользнула взглядом по стене и спросила:

– А где ворота?

Лисгард чуть обернулся и улыбнулся загадочно.

– А вот это самое интересное, миледи, – ответил он.

Арум нервно заржал, резко встал на дыбы. Меня с силой откинуло на круп, еле удержи-лась. Успела вцепиться в серебристый локон единорога и прижаться грудью к спине. Сердце колотится, уши вспыхнули – не хватает еще позорно свалиться в пыль перед белокожим.

Лисгард запоздало спохватился. Конечно, зачем следить за бешеным зверем, пускай швыряет меня, куда хочет. Он цапнул Арума за гриву и с силой потянул к себе, послышался быстрый шепот. Единорог присмирел, перестал дергаться, но пламя в красных глазах все еще полыхает.

Высокородный проговорил виновато, поглаживая питомца по блестящей шкуре:

– Извиняюсь за Арума, никак не приучу.

Я откинула упавшую на глаза прядь и подвинулась на середину спины – ха, меня не выбить из седла, даже если оно отсутствует.

– На его месте я бы тоже волновалась, – сказала я с напускным безразличием. – Где вход? Или ты перепрыгнуть решил? Так тут не единорог нужен, а катапульта.

Единорог будто понял, что я приняла его сторону. Перестал вертеть головой, прожигать взглядом стену, присмирел и затих.

Белокожий похлопал зверя по массивной шее и указал вперед.

– Ворота там, – сказал он. – Сейчас открою.

Медленно приблизились к сооружению. При ближнем рассмотрении стало видно – камни уложены прямо друг на друга, без глины или цемента, но так плотно, что комар носа не подсунет.

– И где, интересно, ворота? – не унималась я.

Лисгард обернулся ко мне с одухотворенным лицом и отступил к стене.

– Узрите мощь солнечного источника! – прокричал он и громко хлопнул в ладоши.

Руки высокогородного развелись, губы быстро забормотали слова на том же ломаном языке. Лицо сосредоточенное и грозное, не нравится мне это. Ох, как не нравится. Разобрала только обрывки фраз – двери мира... песнь солнца... огонь очищения...

Огонь?

Белокожий быстро повернулся и выкрикнул заклинание. Затем выбросил правую руку вперед. С пальцев сорвались желтые искры и с монетным звоном ударили в стену. Каменные плиты вспыхнули, как хворост, и утонули в ярком пламени. От камней пахло жаром раскаленной печи. Огненные ворота быстро расширились, теперь можно проехать верхом.

Веселые языки огня пляшут, как полоумные шуты. Я в ужасе отшатнулась. Арум не дурак – кому хочется ломиться сквозь огонь каждый раз, когда выходишь на улицу?

Трава перед стеной моментально пожухла и почернела. Лисгард сделал смиренное лицо и вскинул руки.

– Да не пройдет тьма в священный город Эолум, – произнес он величественно, – да очистится всяк от скверны!

При воспоминаниях об ожогах меня всю передернуло.

– Ты серьезно собираешься лезть в эту печку? – прошептала я. – Только не огонь. Лучше сразу голову руби.

Я вцепилась в локон Арума. Тот ощутил мой страх, покосился красным глазом и часто закивал, мол, я согласен, давай не будем туда ходить.

Лисгард сделал приглашающий жест рукой и проговорил:

– Прошу, миледи, пройдите через врата.

Я выпалила, пятясь прямо на единороге:

– Ты в своем уме? Не полезу я в это пекло. Меня солнце чуть не зажарило, а ты снова в духовку гонишь. Не выйдет. Хочешь убить – придумай что-нибудь другое.

Пламя разгорелось еще сильнее, огонь в середине стал белым и загадочно потрескивает камнями. Я прикрыла лицо ладонью – да таким жаром можно плавить горы! Пускай предложат гномам, может, выручат чего, солнечные скряги.

Лицо белокожего приняло отрешенное выражение, в глазах полыхнуло синим. Слушает вполуха, наверное, грезит о сияющем источнике, или как там его.

Он смиренно сцепил пальцы перед собой и проговорил с расстановкой:

– Миледи, через ворота Эолума могут пройти лишь эльфы с чистой душой. Остальные сгорят в священном пламени. Уверен, вы справитесь, несмотря на... – он окинул меня оценивающим взглядом, – свою необычность. Тем не менее я не могу рисковать безопасностью города.

Внутри меня все закипело. В голове мелькнула мысль – может, пришпорить Арума и умчаться подальше от этого хаоса и безумия?

Покосилась на единорога. И поняла, что не выйдет. Он же боевой товарищ, хозяина не предаст из-за какого-то пламени. Потом, солнечные эльфы хорошо знают местность и быстро меня найдут.

Я простонала от беспомощности. Лисгард опустил руки и сосредоточенно смотрит, как перепуганно дергаю ушами. Взгляд холодный и бесстрастный, в глубине зрачков мелькают опасные искры.

Он снова сделал приглашающий жест и взялся за локон единорога.

– Миледи, прошу, – сказал он спокойно. – Это неизбежно.

Я метнула в него бешеный взгляд и прошипела:

– Ладно, Лисгард. Если я сгорю – моя кровь будет на твоих руках. Буду призраком являться тебе каждую ночь и мучить, пока не отправишься на тот свет. А когда наконец померешь, буду терзать твоих детей и внуков.

Он безразлично хмыкнул, чопорно поднял подбородок и повел Арума к воротам. Копыта глухо простучали по выжженной траве. Я презрительно заглянула в рубиновый глаз предателя, единорог лишь вздохнул, сдувая бока, как кожухи.

Арум на секунду замер у самого края. Кожу опалило жаром, из прохода полыхает, как из домны. Посмотрела на высокородного – тот шагает как ни в чем не бывало.

Я зажмурилась – не хочу смотреть, как кожа сморщится, покроется пузырями и полопается. А боль... Боль стерплю, чего уж мне.

Сверху донеслось хлопанье крыльев, я открыла глаза и подняла голову. Прямо надо мной нарезает круги огромный ворон и косится белесым глазом. Кажется, это он ляпнул на меня в пустыне переваренным обедом.

Белокожий его не заметил и пялится в огонь с фанатичной преданностью.

Ворон сделал еще один круг и замер строго надо мной. Не знала, что вороны так умеют. Затем круто спикировал и кувыркнулся через крыло.

Сверху ударил ледяной порыв, по спине пробежала волна серых мурашек и скрылась где-то в области юбки. Озноб пробрал до самых внутренностей, будто растворился в крови.

Хотела помахать ворону, но птица кинулась в сторону и молча скрылась в верхних ярусах леса.

На меня опустилось странное спокойствие и умиротворенность. Покосилась на Лисгарда. Тот выжидательно поглядывает на меня и нервно стучит носком по траве. По лицу вижу – ворона не заметил.

Единорог сделал несколько шагов к проходу. С удивлением обнаружила, что огонь больше не обжигает, языки пламени почти касаются ног, но чувствую лишь легкое щекотание. Чудны дела твои.

Я чуть пришпорила Арума и двинулась навстречу полыхающим вратам. Единорог, гарцуя, вошел в огонь. Уши нервно подергиваются, глаза дикие, но шагает уверенно. Точно, как я и думала, ходит он тут часто, а что боится – так больше выделяется. Огонь для него безвреден.

И для меня, похоже, тоже.

Покосившись на высокородного, я проговорила с ухмылкой:

– Так-то, высокородный солнечный лорд.

– Вы о чем?

– Не только вам с огнем дружбу водить, – пояснила я. – Хоть такая дружба и пахнет горелым мясом и старой сажой.

Вскинув голову, я выпрямила спину и гордо проследовала на другую сторону.

Копыта Арума зацокали по ровно уложенному камню, вход в город почему-то совсем пустой. Ожидала увидеть толпы стражников, на худой конец парочку горожан. Но передо мной лишь узкая улица и витиеватые балконы. Брусчатка блестит полированными боками, стены домов, белоснежные настолько, что так и тянет испачкать.

– Слишком светло, – пробормотала я. – Надо какие-нибудь стеклышки для глаз, чтоб затемняли.

Оглянулась, Лисгард вышел сразу за мной и остановился у ворот. Руки солнечного замельтешили, как лопасти мельницы. Раздался уверенный голос. Если бы не пытался меня сжечь, засмотрелась бы.

Проход ярко вспыхнул, мерцающие искры рассыпались по брусчатке и потухли. Врата исчезли, оставив гладкую белую стену из зачарованного камня.

Я придиричиво осмотрела себя – кожа ровная, здоровая, разве что пыльная. Даже волосы не опалило.

Высокородный подошел ко мне, сияя от радости. Безумный огонь в глазах пропал, смотрит довольно, с уважением. Он похлопал единорога по серебристому боку, губы растянулись в сдержанной улыбке.

– Вот видите, миледи, – проговорил он бодро. – Я говорил: если дух чист, огонь не причинит вреда.

Я с сомнением посмотрела на Лисгарда, пытаюсь найти остатки фанатичного блеска. Белокожий смотрит открыто и бесхитростно, на чистом лице уверенность и одухотворенность.

Смахнула пальцами пыль с плеча и сказала язвительно:

– А если бы причинил? Если бы я вспыхнула, как пучок соломы?

Лисгард проговорил со скорбным лицом:

– Я бы очень расстроился. Но что поделать, солнечный источник неумолим.

Эльф прикоснулся пальцами к шее Арума, и мы направились вверх по улице. По мере продвижения стали попадаться эльфы. Одни не обращали внимания на меня, другие откровенно пялились, останавливаясь посреди дороги.

Все, как один, белокожие, с торчащими ушами. Волосы туго затянуты в хвосты и косы. Одежда скромная и аккуратная – на женщинах платья в пол, на мужчинах длинные брюки и свободные рубахи. Я бросила на Лисгарда короткий взгляд. Он отличается от горожан – сияющие доспехи сверкают на солнце, волосы свободно скользят по плечам, наверное, никогда не завязывал. Смотрит уверенно и по-хозяйски.

Я повертела головой и спросила:

– Почему так мало народа? Где все?

Лисгард приветственно кивнул какому-то эльфу, тот почтительно поклонился и поспешил скрыться за дверями с изображением иголки и нитки. Белокожий устремил взгляд вперед и сказал многозначительно:

– Благородные эльфы редко занимаются праздными шатаниями.

Я отклонилась назад, откидывая запутанные волосы, и ухмыльнулась: все такие одухотворенные, куда уж расхаживать среди бела дня. Затем отвернулась в сторону, делая вид, что разглядываю присевшую в реверансе белокожую.

– Чем же они занимаются? – невинно спросила я.

– Кто?

– Твои благородные.

Лисгард деликатно не заметил иронии и поднял палец к уху.

– Вершат судьбы простого народа, – проговорил он значительно, – который не всегда может позаботиться о себе. Миледи, неужели думаете, что Эолум достиг процветания сам? Если бы мы не следили за иерархией, не поддерживали баланс между представителями разных сословий – город давно погряз бы в склоках и праздности.

Я промолчала. Издалека город выглядел действительно огромным. Для такого сложного механизма, как Эолум, жизненно необходима система, которая будет четко очерчивать границы дозволенного.

Представила высокую гору – у подножья толпа эльфов занимается повседневными делами. Чуть выше по склону – эльфы посOLIDнее. Их должно быть значительно меньше. Во-первых, склон не удержит всех желающих, а во-вторых, большое количество знати плохо сказывается на благополучии народа. Еще выше толпится совсем маленькая группка, которая должна заниматься серьезными вопросами. Придумывать законы и следить за порядком. На самой верхушке непременно находится один, главный эльф. Он наблюдает и контролирует процессы.

Определенно в иерархии что-то есть.

Арум тряхнул гривой и зашагал быстрее, меня качнуло и вытолкнуло из размышлений. Улица стала шире, аккуратно уложенная брусчатка кое-где потемнела от времени. Белокожие при виде нас опасливо отпрыгивают в сторону.

– Они от меня шарахаются, – проговорила я задумчиво, – или ты такой трепет внушаешь?

Лисгард, не оборачиваясь, откинул белоснежную прядь с плеча и покачал головой.

– Если бы на мне не было вот этого, – он чуть повернул голову и указал на синий камень в обруче на лбу, – никто не подумал бы уступать дорогу.

Я промолчала – конечно, синий камешек. Все понятно, чего тут непонятного.

Белокожий подождал немного, надеясь, что соображу, затем досадно вздохнул.

– Это синий гаюин, – пояснил он. – Очень редкий и дорогой камень. Гномы добывают его у жерла Черного рудника. За осколок размером с ноготь приходится отдавать по пятьдесят человек рабов. Люди не растут в одночасье, приходится забираться все дальше от Светлолесья, открывать новые деревни.

Я хмыкнула. В этом мире ценна только жизнь. Ты бы понимал это, если бы чаще выбирался из тепличных условий города. Рейды на деревни не считаются. Фермеры не в состоянии защититься.

Вместо этого сказала:

– В чем его ценность?

Лисгард подвел Арума к небольшим воротам. На массивных дверях изображена золотая звезда с множеством лучей. Он прикоснулся к центру звезды, створки разошлись в стороны, и мы вошли в тенистый дворик.

По бокам заросшие плющом арки, в середине плещется небольшой фонтан с замысловатыми бортами, над ним нависают тяжелые ветви с яркими оранжевыми плодами.

Лисгард остановил единорога, развернулся и протянул руку, стараясь не смотреть на мои обнаженные бедра. Я ухмыльнулась про себя, когда заметила, как старательно он отводит взгляд.

Я едва коснулась прохладных пальцев и спрыгнула с Арума. Может, местные эльфийки только и делают, что виснут у него на шее, но это не про меня.

Поправив волосы, я вопросительно уставилась на Лисгарда. Тот неуверенно закряхтел, отвернулся в сторону.

– Гаюин защищает от железа, – проговорил он сбивчиво. – Синий не дает ализариновому дурману туманить разум и деревенеть. Желтый – предупреждает о приближении. Есть

еще особый – белый гаюин. В Эолуме лишь король может обладать им. Он позволяет противостоять багровой заразе. Даже если схватиться голыми руками за железный прут – ожогов не останется.

Чуть не присвистнула, но вовремя вспомнила, что я миледи. Пришлось поправить юбку, которая скорее повязка, и сказала вкрадчиво:

– А где можно достать белый гаюин?

Лисгард скользнул взглядом вниз, затем резко поднял голову, кончики ушей дернулись и вытянулись.

– Миледи, я же сказал, белый камень носит лишь король, – сообщил он. – У остальных просто не хватит сил.

Я не унималась:

– Но зачем королю такая защита? Не разумнее ли отдать камешек тому, у кого нет армии заступников?

– Даже если простой эльф завладеет белым гаюином, – нехотя пояснил белокожий, – от мощи камня ему будет плохо.

– Но король же справляется.

Лисгард поднял указательный палец вверх и произнес важно:

– Он король.

– Все равно не понимаю.

– Чего?

– Почему защитный камень достается тому, у кого власть, а не тому, кто нуждается?

Плечи белокожего передернулись, он строго посмотрел на меня и произнес:

– Вы многого не понимаете. В оправдание его величества скажу, что синий гаюин есть у всех высокородных.

Я фыркнула и сложила руки на груди. Тонкий слух уловил едва различимые шаги, через несколько секунд из арки вышла невысокая эльфийка с затянутыми в узел волосами. При виде нас белокожая вздрогнула и присела в глубоком поклоне.

– О, милорд Лисгард, вы так скоро вернулись, – проговорила она сбивчиво. – Мы сказали милорду Тенадруину не ждать раньше завтрашнего дня.

Белокожий поправил оба меча и зашептал что-то Аруму в ухо. Единорог преданно покосился на него красным глазом и опустил голову, блестящий рог опасно уставился вперед.

Служанка бросила на меня любопытный взгляд, острый нос беспокойно задергался, делая ее похожей на белку. Длинные уши нервно задергались и покраснели. Старается не смотреть прямо, чтобы не выказать неуважения, но глаза быстро бегают из стороны в сторону.

Эльфийка сложила руки на переднике и опустила взгляд.

– Милорд, – спросила она почтительно, – вашей необычной спутнице потребуется комната и чистая одежда?

Лисгард нахмурился, рука уперлась в бок, он потер пальцами подбородок, как настоящий мыслитель. Подумала – он стыдится меня. Стало немного обидно, я ведь не виновата, что попала в передрягу.

Несколько секунд солнечный эльф шевелил бровями, мычал под нос неразборчиво, затем сказал куда-то в сторону:

– Да, Рэниаль, отведи миледи в комнату для гостей, рядом с северными анфиладами. Принеси наряд третьего ранга. И еще, – он развернулся и внимательно посмотрел на служанку, – сообщи Тенадруину, что я скоро представлю ему гостью. Не медли.

Лисгард шагнул ко мне, чуть склонился и проговорил так тихо, чтобы услышать могла только я:

– Миледи, прошу пока никому не говорить о потере памяти и обо всем, что с вами случилось. Особенно Рэниаль. Она хорошая служанка, но совершенно не умеет молчать.

Я кивнула и прижала уши, чувствуя – не все спокойно в величественном городе Эолуме.

Он провел рукой по блестящему боку Арума, единорог зафырчал и цокнул копытом о брусчатку. Во взгляде зверя преданность, вот он я, твой единственный друг, честный и самоотверженный, а остальные вообще не знаю, кто и что тут делают.

Лисгард бросил через плечо:

– И не забудь выдать Аруму порцию листьев шиповника. Проход через ворота снова его растревожил.

Служанка коротко кивнула и присела в почтительном поклоне.

Белокожий посмотрел мне прямо в глаза, лицо хмурое и озабоченное – наверное, сомневается, хорошо ли его поняла.

Я глянула в глаза и прошептала одними губами:

– Не беспокойся, я быстро учусь. Надеюсь.

Он с тяжелым вздохом протер пальцами лоб, медленно развернулся и скрылся в проеме арки.

Глава 7

Воздух приятный, прохладный. Вероятно, сказывается близость водопада. Хотя город слишком большой, чтобы освежаться таким способом. А вот толстые стены удерживают температуру.

Уперев руку в бок, я глянула исподлобья на служанку. Уши вытянулись, кончики зашевелились, улавливая малейшее дуновение. Рэниаль все еще стоит со сцепленными пальцами и открыто разглядывает меня, часто хлопая пушистыми ресницами.

Арум недовольно переступил копытами, в рубиновых глазах молчаливый укор: заставляете ждать меня, такого белого и блестящего. Как вам не совестно, я есть хочу.

Я погладила единорога по теплой морде и обратилась к Рэниаль:

– Ну что. Давай, веди меня в покои.

Служанка буквально подпрыгнула на месте, очнулась и всплеснула руками.

– Извините, миледи, – затараторила она, – я просто никогда не видела... Вы такая... оригинальная. Извините мою дерзость. О, я просто не могу сдержать потрясения. Вы серая! О, простите, миледи.

Я хихикнула про себя, белоухая прямо дрожит от собственной смелости. Слуг держат в ежовых рукавицах, вон, бедняжка, как заикается и трясется.

Махнув рукой, я сдула волосину с лица.

– Да не бойся, – проговорила я ободряюще. – Никто не узнает.

Плечи белокожей расслабились, она выдохнула, но взгляд остался встревоженным, мало ли что у меня на уме. В груди запоздало потеплело – меня причислили к господам, иначе не тряслась бы так. Теперь слугам нужно гадать, что творится в моей господской голове.

Рэниаль осторожно, боясь сделать лишнее движение, подошла к единорогу, погладила по блестящей морде. Тот довольно зафыркал, служанка осмелела и обхватила ладонями огромную голову.

– Сейчас тебя покормят, бедолага, – сказала она ласково. – Устал, наверное, понервничал? Хозяин снова таскал тебя через эти жуткие ворота?

Единорог потряс густой гривой, закивал, мол, да-да, обижает меня как хочет, а я, несчастный, терплю, служу верой и правдой.

Служанка обернулась и позвала:

– Ллей, Маллей! Сюда!

Из-за арки высунулись две маленькие рыжие головы, лица заспанные, из волос торчат куски соломы. При виде Арума щеки втянулись, глаза округлились. Близнецы с наигранной бодростью выскочили из-за стены, рубахи помятые, кое-где даже дыры, подбежали к единорогу и повели в дальний конец двора.

Арум гордо вскинул голову и взмахнул роскошным хвостом. Затем со звонким цокотом направился за эльфятами, пока не скрылся в черноте прохода.

Рэниаль обернулась ко мне, снова присела в реверансе, заплетенная макушка сверкнула перед носом.

– Миледи, идемте, – почтительно проговорила она.

Мы вошли в темную арку и двинулись по прохладному коридору. От стен веет мощью и древностью, волосы на затылке невольно зашевелились – каждый камешек пропитан старой магией. Такую вряд ли помнят простые эльфы. По стенам расползся толстый плющ, цепляется за гладкий камень, стебли лезут куда-то, создают причудливые узоры.

Служанка осторожно шагает впереди, деликатно указывает путь в запутанных коридорах. Я таращусь на зелень посреди замка, осторожно огибая лозы, которые слишком далеко

протянулись от стен. Некоторые ветки настолько тонкие, что напоминают волоски в гриве единорога. Зато листья на них почти с ладонь.

Рэниаль стучит кожаными... Потянула носом – да, кожаными каблуками. А я вот совершенно бесшумна – шагаю босыми ногами по гладким камням, ступни приятно обдает многолетней прохладой. Я улыбнулась себе, на секунду представив, что нахожусь не в эльфийском замке, а в тенистом лесу у водопада, где со всех сторон прохлада и свежесть.

Когда Рэниаль остановилась возле крохотной дверцы, я выпала из раздумий. Она наклонилась и постучала. Дверца открылась, оттуда высунилось чистое, как весенний ручей, лицо маленькой эльфийки с ясными голубыми глазами.

Служанка приказала быстрым шепотом:

– Немедленно проверить покои у северных анфилад. Для миледи. И одежду под стать милорду.

Маленькая эльфийка молча кивнула и скрылась в дверном проеме. Рэниаль с довольным лицом поправила подол юбки и робко улыбнулась.

– Миледи, мы не ждали, что милорд Лисгард придет не один, – сказала она, извиняясь. – Эти покои обычно готовы, но не стоит надеяться лишь на добросовестность горничных. Необходим контроль.

Я пожала плечами:

– Верю. Ты, главное, успокойся, не нервничай. А то от переживаний волосы выпадут и кожа посереет, как у меня.

Лицо служанки исказилось от смущения и страха, на щеках проступили красные пятна. Я запоздало поняла, что мало кто из господ разговаривает в таком тоне. Судя по манерам Лисгарда – белокожие те еще вельможи.

Она опустила взгляд и сочувственно пробормотала под нос:

– Миледи, если это правда, если с вами такое случилось – я очень сожалею. Мы найдем лучших лекарей, лучших магов, вернем вам сияние.

Я не удержалась, прыснула от смеха, таинственное эхо раскатилось под сводами и разлетелось далеко по коридорам. От хохота меня согнуло пополам и трясло чуть ли не до слез, пока изумленная служанка наблюдала в немом оцепенении.

Когда приступ хохота прошел, я наконец выпрямилась, вытирая глаза, и проговорила сквозь смешки:

– Ты, главное, не бойся. Это не заразно.

Я попробовала чуть наклониться вперед, пытаюсь взглядами намекнуть, что вот тут надо было смеяться, ну или хотя бы улыбнуться. Служанка тупо захлопала ресницами, глаза круглые, непонимающие.

– Забудь, – сказала я, махнув рукой.

Мы снова двинулись по коридорам, пока не пришли к массивной деревянной двери с изображением пылающей птицы. Рэниаль толкнула створку, дверь открылась, и мы вошли.

Мягкая роскошь на секунду остановила меня прямо на входе. Над широкой кроватью с россыпями изумрудов колышутся сиреневые балдахины, стены обиты розовой тканью. Удивительно, как смогли соединить уют и благородство. Пол отполирован до такой степени, что можно кататься. В середине комнаты над полом висит прозрачный кристалл, размером с табуретку, и сияет равномерным матовым светом. На окнах шевелятся многослойные шторы.

Я растерянно оглянулась на служанку и проговорила впечатленно:

– Говоришь, это гостевая?

Рэниаль непонимающе сдвинула брови и проговорила с виноватым видом:

– Да, миледи. Извините, миледи, мы бы поселили вас в южном крыле. Там солнца больше и апартаменты шире. Но милорд сам приказал отвести вас сюда.

У меня даже рот раскрылся, едва не произнесла все, что пронеслось в голове. Шире? Зачем шире? Тут и так можно на единороге скакать, потолок в золотых лентах, а кровать-то...

Я замахала руками и сказала потрясенно:

– Рэниаль, все в порядке. Мне нравятся мои, гм, апартаменты. Вот и шторы колыхаются, и камешек над полом висит. Что это, кстати?

Служанка с недоверием посмотрела на меня, уши виновато прижались, бедняжку сейчас разорвет от противоречивых эмоций.

– Это адуляр, камень для световой подпитки, – проговорила она осторожно.

Я сделала умное лицо. Понимаю, кожа у меня и не сияет, и до высокородности, как до Забытой горы на козе, но чую – я умная. Во всяком случае, была.

– Да-да, точно. Адуляр, – кивнула я и улыбнулась, вроде как шучу.

Служанка странно посмотрела. Я мысленно обругала себя за неосторожность. Белокожая быстро разнесет по всему Эолуму, что хозяин привел в дом чокнутую серую эльфийку, которая не знает, как обращаться с, подумать только, адуляром.

Я потянулась всем телом, почувствовала, как удлинился позвоночник, талия утончилась – можно ладонями обхватить, мышцы сзади приятно растянулись. Бросила быстрый взгляд на Рэниаль – та смотрит, не шевелясь, глупо хлопает ресницами. Наверное, высокородным не положено потягиваться в присутствии слуг.

Пришлось резко хрустнуть корпусом и вернуться в прежнее положение.

– Где можно искупаться? – спросила я невозмутимо. – А то похожа на облезлую кошку после драки.

Служанка всплеснула руками, каблочки простучали по полу и остановились у незаметной двери.

– Вот здесь, – шепнула она и указала на ручку. – Тут серая госпожа найдет все, что нужно.

Обращение «серая госпожа» мне понравилось, я приосанилась, даже подбородок вскинула. Служанка это заметила и почему-то присела в поклоне. Секунду я смотрела на нее, не зная, как реагировать. Затем пожала плечами, оставив ее наедине с придворным этикетом.

Я прошлась по комнате, провела рукой по прозрачному балдахину, кожа отозвалась приятным щекотанием. От ткани струится тончайший цитрусовый запах, будто кто-то специально ходил и отмерял – сколько капель нужно на каждый отрезок, чтобы создать правильный баланс.

Рэниаль осторожно покашляла за спиной.

– Миледи, вам еще что-нибудь нужно? – спросила она робко.

Я покосилась на нее через плечо, в который раз изумляясь покладистости. Где-то глубоко внутри даже появилась жалость к эльфийке, которой приходится плевать на собственные желания и бросаться выполнять любой приказ хозяина.

– Нет, – ответила я и взмахнула рукой. – Ты свободна, как ветер в поле.

Служанка присела в глубоком поклоне и попятилась к выходу. У самой двери, спохватившись, подняла голову – в глазах неуверенность и сомнение.

– Миледи?

– Да.

Она вцепилась пальцами в передник юбки и проговорила тихо:

– Миледи, позвольте узнать, как к вам обращаться?

– Гм, – промычала я.

Я глянула в окно, за прозрачными шторами колыхнутся ветки с фруктами, наверное, вкусные. Солнечные эльфы не стали бы выращивать в Эолуме всякую гадость. Хотя Лисгард с удовольствием жевал мерзкие ягоды.

Несколько секунд пыталась вспомнить, не говорил ли высокородный что-нибудь об именах и прозвищах. Потом поняла, этот вопрос мы вообще выпустили из виду и теперь придется выпутываться самой, да так, чтобы не попасться на неточностях.

Я предложила:

– Называй меня «миледи».

Служанка охнула, прикрыла рот ладонью. Я скривилась, представляя, что она вообразила. Господин привез таинственную незнакомку необычной внешности, поселил в отдельные покои подальше от всех.

Рэниаль сцепила ладони за спиной и чуть подалась вперед.

– О! Серая госпожа предпочитает оставаться неузнанной, – проговорила она быстрым шепотом. – Я сохраню вашу тайну! От меня никто ничего не узнает.

Она снова присела, заплетенная макушка уставилась в потолок. Белые уши прижались в знак почтения. Затем служанка поспешно развернулась и выскользнула за дверь. Замок тихо щелкнул.

Я ухмыльнулась – да уж конечно, не узнает. Наверняка уже бежишь в кухни, чтобы рассказать подругам, что хозяин приютил серую. А те расскажут своим знакомым, и так по цепочке. В итоге окажется, что у Лисгарда есть тайный ребенок, которого прячут в дремучих лесах.

На меня накатило расслабление и блаженство эльфа, который наконец-то остался один. Снова потянувшись, я поглядела по сторонам, убеждаясь, что никто не дышит в затылок и не пытается прижечь каленым железом. Потом покосилась на столы и колонны, за которыми вполне может спрятаться лазутчик. Но в комнате пусто, как в моей голове.

У дальнего окна захлопали крылья, оглянулась – на подоконнике сидит черный ворон и внимательно смотрит белым слюдяным глазом.

Подошла, прозрачный ворох штор разлетелся в стороны, я осторожно протянула ладонь. Птица нерешительно потопталась на месте и запрыгнула на руку.

Меня качнуло, будто гирию взяла, я отклонилась назад, подальше от клюва. Он непривычно огромный, кончик сверкает, словно заточенный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.